

Мисс Бишоп

Доктор Разума, Сердца и Души

Бесси Стритер Олдрич

Фильм по книге был номинирован на премию "Оскар"

Легендарный роман: женский ответ «Мистеру Чипсу»

Бесси Стритер Олдрич
Мисс Бишоп

«Автор»

2026

Олдрич Б.

Мисс Бишоп / Б. Олдрич — «Автор», 2026

Впервые на русском языке — легендарный роман Бесс Стритер Олдрич, который в Америке 1930-х называли «женским ответом Мистеру Чипсу». Экранизация 1941 года получила номинацию на «Оскар», а радиопостановку по книге в 1949-м вёл сам Джеймс Хилтон. Элла Бишоп приезжает первокурсницей в скромный колледж на Среднем Западе — и остаётся там на всю жизнь. Несостоявшаяся любовь, чужой ребёнок, ставший родным, полвека у школьной доски: история женщины, отдавшей себя другим, — и цена, которую она за это платит. От дождливого дня зачисления первых студентов до сноса старого учебного корпуса — роман охватывает целую эпоху: студенческие братства, две войны, крах банков Великой депрессии. Меняются президенты колледжа, поколения студентов, сама Америка — неизменной остаётся только Элла у своей кафедры. И один вопрос, который она задаёт себе снова и снова: стоила ли отданная другим жизнь того, чтобы её прожить. Тихая, пронзительная книга о призвании и о том, что остаётся после нас, когда мы уходим.

© Олдрич Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От переводчика	5
Список персонажей	6
ГЛАВА I	10
ГЛАВА II	14
ГЛАВА III	17
ГЛАВА IV	20
ГЛАВА V	24
ГЛАВА VI	27
ГЛАВА VII	31
ГЛАВА VIII	34
ГЛАВА IX	37
ГЛАВА X	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Бесси Стритер Олдрич

Мисс Бишоп

От переводчика

Идея взяться за «Мисс Бишоп» родилась не случайно, а из простого наблюдения: «Прощай, мистер Чипс» — книга, прежде почти неизвестная русскому читателю, — неожиданно нашла отклик в разы больше, чем другие переводы этого проекта. Разгадка оказалась исторической: фильм 1941 года «Cheers for Miss Bishop», снятый по этому самому роману Бесс Стритер Олдрич, в своё время рекламировался студией United Artists именно как «женский ответ „Мистеру Чипсу“» — и связь эта не случайна и не притянута за уши: в 1949 году на радиопостановке по этой книге вёл программу сам Джеймс Хилтон.

Бесс Стритер Олдрич (1881–1954) — писательница из Небраски, всю жизнь писавшая о Среднем Западе своего детства: о прерийных городках, первых колледжах, о людях, для которых учительство было не карьерой, а призванием в буквальном, почти религиозном смысле слова. «Мисс Бишоп» (1933) — итоговая, самая личная её книга: полвека жизни одной женщины, уместившиеся в сорок одну главу, от дождливого дня зачисления первых студентов до сноса старого учебного корпуса.

Переводить эту книгу оказалось труднее, чем ожидалось, — не из-за языка, а из-за интонации. Олдрич пишет сдержанно даже в самые трагические моменты, и главной задачей было не поддаться соблазну усилить, драматизировать то, что в оригинале сказано тихо. Второй сложностью стала эпоха: студенческие братства, спенсеровский почерк, дидактика как учебный предмет, шаровары для женского баскетбола — за каждой такой деталью стоял час чтения справочной литературы, чтобы перевести не только слово, но и стоящий за ним быт (подробнее об этом — в приложениях к книге).

Как и «Прощай, мистер Чипс», этот роман почти неизвестен русскому читателю — при том что его героиня прожила ровно ту же учительскую жизнь, что и мистер Чипс, только по другую сторону океана и по другую сторону кафедры. Надеюсь, что знакомство с Эллой Бишоп окажется для читателя не менее тёплым.

Пусть эта тихая история о жизни, отданной другим, найдёт своего читателя и на русском языке.

Владимир Давыдов

Список персонажей

Главные герои

Элла Бишоп в начале пути

Элла Бишоп в годы преподавания

Элла Бишоп за работой

Портрет Эллы Бишоп

Элла Бишоп — на разных этапах жизни: начинающая учительница, зрелые годы преподавания, за письменным столом, портрет в старости

Элла Бишоп — героиня романа — дочь фермера-пионера, ставшая учительницей и почти полвека проработавшая в Мидвестерн-колледже вымышленного городка Оук-Ривер на Среднем Западе США.

Делберт Томпсон — молодой адвокат, приехавший работать в контору судьи Питерса; жених Эллы.

Эми Сондерс (в замужестве Томпсон) — осиротевшая кузина Эллы из Огайо, приехавшая погостить в дом Бишопов.

Сэм Питерс

Сэм Питерс — старший сын судьи Питерса, застенчивый учитель каллиграфии, а затем бакалейщик; преданный друг Эллы на протяжении всей книги.

Джон Стивенс — преподаватель английской литературы, приехавший в Мидвестерн с востока страны.

Хоуп (Томпсон, затем Джонс) — приёмная дочь Эллы.

Гретхен Джонс — дочь Хоуп и Дика Джонса, внучка по духу — воспитанница Эллы в её студенческие годы.

Семья Питерсов

Судья Питерс — отец Сэма и Честера, напыщенный и многословный юрист города.

Миссис Питерс — кроткая, немногословная жена судьи, мать Сэма и Честера.

Честер (Чет) Питерс — младший, более обаятельный сын судьи; жених-без-помолвки Айрин Ван Несс.

Семья Бишоп

Миссис Бишоп, мать Эллы

Миссис Бишоп — мать Эллы, рано овдовевшая, хрупкая и нерешительная женщина.

Друзья и соседи

Айрин Ван Несс (в замужестве Хант) — дочь банкира Ван Несса, однокашница и близкая подруга Эллы.

Крис Йенсен — сторож Мидвестерн-колледжа, датчанин, служивший в колледже с самого его основания.

Ханна Йенсен — жена Криса, приехавшая из Дании по договорённости о браке.

Стена Йенсен на кухне дома Бишопов

Стена Йенсен — сестра Ханны, домработница в доме Эллы; прожила там более полувека.

Однокашницы Эллы (общество «Минерва»)

Мина Гордон — маленькая, живая девушка цыганской наружности; впоследствии многодетная мать.

Эмили Тисдейл — первая красавица курса Эллы.

Джанет Маклафлин — простодушная шотландка, впоследствии преподавательница истории в университете.

Мэри Кромби — прямая, деловитая суфражистка, впоследствии видная общественная деятельница.

Эвелин Хоббс — тихая, застенчиво остроумная студентка из первого выпуска общества «Минерва».

Преподаватели и руководство колледжа

Президент Коркоран — первый президент Мидвестерн-колледжа, наставник и покровитель Эллы; читает курс «умственной и нравственной философии».

Президент Уоттс — энергичный руководитель, при котором колледж пережил бурный рост.

Президент Краудер — молодой президент нового поколения, пришедший на смену Уоттсу.

Профессор Уик — преподаватель математики старой закалки.

Профессор Картер — преподаватель грамматики и литературы, предшественник Эллы на кафедре.

Профессор Каннингем — преподаватель дидактики (позже — педагогики).

Профессор Джордж Шрёдер — однокашник Эллы, впоследствии профессор немецкого языка и литературы.

Профессор Альберт Фонда за работой

Профессор Альберт Фонда — однокашник Эллы, впоследствии профессор астрономии.

Мисс Хестер Джонс — строгая заведующая образцовой школой при колледже.

Третье поколение

Дик (Ричард) Джонс-старший — муж Хоуп, ветеран Первой мировой войны.

Ричард (Дик) Джонс-младший — однофамилец мужа Хоуп; студент, ухаживающий за Гретхен, принятый ею по ошибке за кузена мисс Джонс.

Рональд Смит — внук Айрин Ван Несс; возлюбленный Гретхен.

Джек Бёрдик — женатый мужчина, в которого была влюблена Гретхен.

ГЛАВА I

В 1846 году городок Оук-Ривер, что раскинется среди степных просторов Среднего Запада, существовал лишь в мечтах поселенцев. В 1856-м мечта стала явью и получила статус города. Десять лет спустя разбросанное селение с длинной грязной Главной улицей и тысячей жителей встречало вернувшихся с Гражданской войны парней. А к 1876 году он раскинулся на большой площади с самонадеянным видом молодого среднезападного городка, твёрдо уверенного, что станет огромным мегаполисом. Если бы все смелые надежды тех первых отцов города сбылись, Средний Запад сегодня представлял бы собой одно сплошное переплетение городских улиц. На деле же сотни таких городков выросли до своих двух, пяти или десяти тысяч жителей, на этом остановились и признали, что никакими усилиями торговой палаты не прибавить себе ни локтя роста.

Так и Оук-Ривер, достигнув полной телесной силы несколько лет назад, теперь угомонился и стал городом в десять тысяч жителей — совсем как рослый парень, который понимает, что дни телесного роста позади, и принимается понемногу заботиться о развитии ума и манер.

Главная гордость этого рослого парня — учебное заведение, Мидвестерн-колледж. Он стоит на окраине города, на прекрасном холмистом кампусе, благоухающем весной свежескошенной травой и белым клевером, а осенью пестреющим багрянцем, охрой и золотом могучих деревьев, — дюжина с лишним внушительных зданий, выстроенных в стройном порядке, кампанила, вздымающая свои часовые циферблаты к четырём ветрам, огромный стадион, гордо нежащийся в лучах спортивной славы. Бетонные дорожки и тротуары выются в зелени вязов и клёнов, и молодёжь без конца ходит и ездит по ним — частица того великого потока Юности, что вечно пересекает кампусы всего мира.

До прошлого лета в самой середине этого скопления прекрасных новых зданий стоял старый кирпичный корпус, известный как Старый Центральный зал, — точно неряшливая старуха, морщинистая и седая, среди холёных матрон. Люди помягче называли его причудливым, откровенные — уродливым, но стоило заговорить о сносе, как толпа сентиментальных выпускников поднималась *en masse* и восклицала: «Как! Снести Старый Центральный?» А поскольку правление колледжа состояло из выпускников на все сто процентов, Старый Центральный так и сидел себе год за годом посреди двора, с почти человеческой дерзостью поглядывая на остальные здания.

К нескольким тысячам людей он был так близок, так прочно врос в их жизнь, что когда прошлой весной удручённое правление, не без чувства вины, пробило ему похоронный звон, на кампус к выпускному съехалось выпускников больше обычного — совсем как дети, которых зовут домой проститься с умирающей матерью.

Те, кто не видел его несколько лет, нашли его обветшавшим, потрескавшимся и позорно обшарпанным: колокольню наполовину разобрали, а в опустевшем актовом зале, для верности, поставили дополнительные подпорки. И всё же нашлись двое-трое, кто помнил, что, как всякая состарившаяся душа, пережившая свою пользу, он когда-то был крепок, светел и весел, точно невеста. Было это в 1876 году, когда сам Оук-Ривер был ещё молод.

Шестого сентября того года — столь важного для тридцати двух юношей и девушек, впервые входивших в новое здание, — оно поднималось, точно приземистый маяк на пресноводном озере, ведь стояло посреди сорока акров грубой прерийной травы, прибитой к земле влагой трёхдневного проливного дождя.

В восемь утра той среды дождь всё ещё уныло моросил — медленная, монотонная морось, превратившая новый кампус в море, а точнее — в Красное море, ведь кирпичная пыль вокруг только что возведённого здания превратила раскисшую землю в ржаво-рыжую грязь. Тачки, покосившись, прислонились к новым стенам. В ящиках с раствором стояли миниатюр-

ные меловые лужицы. К большим дверям, ещё не крашеным, вёл пологий подъём с прибитыми деревянными рейками, по которым девушки в своих пышных оборчатых юбках ступали так неуверенно, что их длинные тонкие кринолины сочувственно дрожали в такт шагам.

Внутри несколько будущих студентов стояли в холле, где было так темно, что никто толком не мог разглядеть соседа. Свежая штукатурка на стенах едва успела просохнуть, и воздух здесь казался таким же влажным, как снаружи.

Крис Йенсен, молодой датчанин, только начинавший свою службу сторожа, торжественно стоял у двери с метлой и после появления каждого новоиспечённого послушника выметал лужицы грязной воды с видом человека, только что вычистившего часть Реки Скорби прямым из преисподней.

Первые пришедшие серьёзно наблюдали за ним. Никто не проронил ни слова. Всем было холодно — огромные витки труб вдоль стен пока не имели никакого касательства к отопительной системе. Было весело, точно на панихиде.

Потом дверь распахнулась, и вместе с порывом дождливого ветра влетела молодая девушка. Широкая улыбка на добродушном щедром рту приветствовала собравшихся скорбящих, пока она окидывала их всех одним широким взглядом.

Крис Йенсен, застывший с метлой наготове перед её появлением, весело осклабился в ответ, его бледные глаза засветились ответным весельем.

— Добро пожаловать в школу, — сказал он с датским акцентом и опустил своё грозное оружие. Это были первые слова, что он произнёс за всё то промозглое утро.

С приходом девушки в комнату словно ворвалась новая краска, точно на сепийную фотографию вдруг нанесли яркий пигмент.

Красавицей она не была. Трудно сказать, что именно выделяло её среди прочих — юмор, живость, деловитость или некое неведомое качество, вобравшее в себя всё разом. Казалось, она говорила: «Ну вот и я. Начнём».

Сняв блестящие галоши и мокрую коричневую накидку с клетчатым капюшоном на спине, она пристроила их в прихожей, откуда сразу же потянуло резким резиновым запахом, и подошла к остальным студентам.

На ней было длинное клетчатое платье, коричнево-красное, поверх узкого кринолина, с оборками, выющимися от подола юбки до самой спины, и плотно облегающий баска, гордо украшенный рядами медных пуговиц, марширующих, точно солдаты, по четыре в шеренге через весь перёд. Волосы её были высоко уложены в замысловатую причёску того времени и собраны в локоны сзади.

Она окинула взглядом похоронные лица собравшихся зародышевых студентов. Одна девушка, разодетая сверх меры в зелёный бархатный костюм, обильно пролиwała слёзы в дорожное кружево большого носового платка.

— Чего мы ждём? — спросила новоприбывшая не без резкости. — Идёмте уже.

И вся компания, точно овцы, послушно потянулась за новой предводительницей стада в актовый зал — зал такой огромный, что даже самый неисправимый оптимист среди граждан Оук-Ривер едва ли мог представить себе день, когда он заполнится молодёжью.

Молодой преподаватель сидел за столом сразу у двери, ещё двое совещались у окна. Всё в молодом человеке за столом было тонким: тонкое тело, высокий тонкий лоб, длинный тонкий нос, тонкие, недавно отпущенные усики, топорщившиеся над тонкогубым ртом. Перед ним лежала раскрытая чистая книга, очень большая и очень белая, а в руке он держал наготове перо.

Он выглядел настолько робким перед лицом происходящего, что когда ему всё же удалось выдавить: «Пусть кто-нибудь начнёт запись», — девушка вопросительно оглянулась по сторонам, а затем решительно шагнула к жертвенному алтарю, так сказать.

— Ваше имя?

Он выглядел таким смущённым, что весёлые глаза девушки прищурились в озорной усмешке, и она едва сдержала беззвучный смех.

— Элла Бишоп, — скромно произнесла она.

Он вывел это с большим росчерком: рука его совершила немало головокружительных эллиптических путешествий, прежде чем осесть в замысловатой «Э» с хвостиком, длинным, точно у доисторического павиана.

Закончив это долгое и замысловатое действо, он остановился и робко спросил:

— Ваш возраст?

— Шестнадцать.

Это было исполнено куда более скромными цифрами и не отняло столько времени.

— Место жительства?

— Оук-Ривер, теперь... — и в пояснение добавила: — Мы только что перебрались с фермы — мама и я — и поселились здесь.

— Понимаю. На какой улице, позвольте спросить?

— Адамс-стрит, ровно между Десятой и Одиннадцатой.

Он поднял взгляд, точно услышал ошеломляющую новость.

— Да... да ведь это прямо напротив меня! — И залился краской до самого тонкого лба.

Девушка в зелёном бархате, безостановочно плакавшая, вдруг хихикнула, почти истерически.

К этому времени к робкому юноше присоединился ещё один преподаватель — по всей видимости, по денежной части, — так что тотчас поднялась суета с карманами и сумочками: один крупнокостный немецкий юноша с трудом извлекал золотую монету из подкладки модельного пальто, а веснушчатая девушка явно шотландских кровей резко повернулась к стене и ловко достала пачку купюр из некоего неведомого места в районе левого лёгкого.

Когда бойкое перо профессора Сэмюэла Питерса, щедро украшавшего нисходящие штрихи многочисленными завитушками, вписало последнее имя, президент призвал студентов к порядку на церковных скамьях огромного актового зала, в необъятности которого маленькое общество совсем терялось.

Преподавательский состав, помимо президента Коркорана, насчитывал четырёх наставников. Это были профессор Лорен Уик, преподаватель математики, — бородатый и пузатый, с неясным намёком на недавний обед где-то на жилете; профессор Байрон Картер, грамматика и литература, — маленький и нервный, с седой козлиной бородкой, пенсне и чёрным шнурком; мисс Эммелин Паттон, география и история, — женщина основательная как телом, так и складом ума, точно любое однажды составленное мнение немедленно становилось непреложной поправкой к законам мидян и персов; и тонкий, смущённый Сэмюэл Питерс, обладатель кокетливого пера, которому предстояло преподавать орфографию и премудрости спенсеровского метода письма.

Теперь они вместе с президентом Коркораном, которому предстояло преподавать таинственный предмет под названием «Умственная и нравственная философия», торжественной чередой поднялись на кафедру и сели в скорбный ряд. Судя по всему, передача знаний обещала стать делом весьма унылым. Девушка, Элла Бишоп, чувствовала, как бурно колотится её сердце от торжественности момента. Девушка в зелёном бархате прилежно промакивала непрестанно сочащуюся влагу.

Новый язычковый орган, украшенный резными купидонами и пряничными кронштейнами, стоял сбоку от кафедры. Президент Коркоран, невысокий полный мужчина с добрым лицом, на две трети скрытым за утиной засадой бороды, указав на музыкальный инструмент, спросил, не умеет ли кто играть, — и тут девушка в зелёном бархате, заранее предвидевшая именно такую возможность выделиться (оттого и бархат), осушила глаза и вызвалась с немалой готовностью.

Вскоре собравшиеся студенты уже пели «Ужель мы у реки сберёмся?», и всякий, кто выглянул бы в высокие готические окна с простыми деревянными рамами, за которыми уныло плескался и стекал дождь, мог бы честно ответить: «Без сомнения, сберёмся».

Была молитва, в которой президент известил Господа о текущих событиях утра, включая точное число зачисленных, а затем, вдруг оставив статистику, горячо попросил божественной любви, света и наставления в жизни этих юношей и девушек — и эта последняя часть прошения, казалось, была услышана по назначению незамедлительно.

Когда он закончил, последовало объявление-другое, чтение множества строгих правил с указанием взысканий за их нарушение, и ещё одна песнь, столь суховатого свойства, что могла бы уравновесить влажность первой:

...В пустынях диких

Ты стол готовишь для дитя Твоего.

Потом начались занятия — и Мидвестерн-колледж благополучно отправился в плавание.

ГЛАВА II

Девушка, Элла Бишоп, всей душой окунулась в этот первый сбор нового колледжа — как, впрочем, окунулась бы во что угодно: хоть в распродажу с торгов, хоть в ирландские поминки.

Утренние занятия сменяли друг друга довольно бессвязно. С тайным взмахом холодных куриных ножек в полдень был торжественно вкушён обед — в комнате, вежливо именуемой лабораторией физических наук, хотя вся аппаратура сводилась к шаткому теллуриону, прибору для проверки лёгких и самодельному воздушному насосу, издававшему звуки, подозрительно напоминающие человеческие муки. Одна группа расселась на скамьях для декламации, другая — на краю длинного стола, а несколько девушек под умелым руководством Эллы дружно устроились с стульями в дальнем углу. Тяга сбиваться в свои кружки закладывается в груди всякой девочки от рождения.

Днём Элла в классе мисс Паттон довольно расплывчато отвечала о жителях Южной Америки, а в классе профессора Питерса зачарованно наблюдала, как тот выводил на доске восхитительный набросок рыбы, какой не сыщешь ни в одном из известных морей, скромно заверяя, что со временем и они смогут достичь такого же мастерства, — хотя на миг Элле всё же пришлось в голову задуматься, какая именно польза может заключаться в подобном достижении.

К концу дня она была уже дома, в скромном доме-«крылом-и-приделе» «на Адамс, между Десятой и Одиннадцатой», где её овдовевшая мать пыталась расставить мебель.

Она сняла мокрую одежду и переделась в другое платье, которое — как ни странно — было сшито из той же клетчатой ткани, что и то, в котором она ходила в школу. Непосвящённый наблюдатель никогда бы не догадался, что отец Эллы ещё до своей смерти взял у торговца в Мейнарде два рулона ткани в уплату за лошадь — и что с тех пор гардероб Эллы уже несколько лет состоял целиком из красно-коричневой клеточки, отделанной синим сержем, либо синего сержа, отделанного красно-коричневой клеткой.

— Мне сегодня надеть свинину-с-бобами, мама, или бобы-со-свининой? — иногда шутливо спрашивала она.

На такую шутку лицо матери принимало обиженное выражение, и она отвечала: «Ах, Элла... не стоит так насмехаться... отец... ткань... вот так...»

Миссис Бишоп редко заканчивала свои фразы. Она была настолько неуверена во всём, настолько охвачена ощущением собственной беспомощности после смерти мужа, что уже в шестнадцать лет Элла взяла на себя управление домом и стала единовластной хозяйкой всех решений.

Сейчас за первые полчаса своего бодрого труда в неустроенном доме она успела сделать больше, чем мать за весь день. Она с поразительной ловкостью расставляла вещи по местам, без умолку рассказывая о главном событии своей жизни — первом дне в новом колледже.

Она уже могла назвать по имени почти всех остальных тридцать одного студента. Крупнотелый немецкий юноша оказался Джорджем Шрёдером. Он работал батраком на ферме и почти не говорил по-английски. Худенький мальчик с острым личиком, так блиставший в математике, что о нём заговорил сам профессор Уик, был Альберт Фонда, богемец. Он признался профессору Уику, что хочет изучать астрономию, и добрый профессор Уик сказал, что они с Альбертом устроят отдельный класс, пусть даже в нём будут только они вдвоём. Шотландская девушка звалась Джанет Маклафлин, и она рассмешила всех, сказав, что, по её мнению, однажды в школах будут учить готовить и шить. Только представить — вещам, которым можно выучиться дома! Девушка в бархатном платье была Айрин Ван Несс, дочь банкира, — она плакала, потому что не хотела идти в эту школу, но её отец, один из основателей колледжа, заставил её пойти. Айрин была наполовину помолвлена с Честером Питерсом, братом учителя

каллиграфии, который уехал учиться на восток, — братом, а не тем самым, «Рыбой», хотя как вообще можно быть наполовину помолвленной, было выше её понимания.

В самом деле, полумеры были столь чужды натуре Эллы Бишоп, что, увлѣкшись собственным представлением, она принялась изображать преподавателей, описывать однокашников, живо пародировать Айрин за игрой на органе — да так живо, что мать от души рассмеялась, прежде чем вдруг вспомнила о постигшей семью в прошлом году утрате.

Дом-«крыло-и-придел», в который они переезжали, стоял за коричневым штaketником, не слишком далеко от улицы. Две двери, расположенные под прямым углом на небольшом крыльце, вели в столовую и в гостиную; само крыльцо было густо увито разросшимся трубчатым выюнком (камписом). Внутри дешѣвые ковры были крепко прибиты поверх свежей овсяной соломы: тот, что в гостиной, тѣмно-коричневый, был щедро усеян восьмиугольными фигурами, какие встретишь в любом учебнике геометрии, а тот, что в столовой, красный, был усыпан жѣлтыми крапинками, похожими на крошки яичного желтка, упавшие со стола. В гостиной стояли орган, гарнитур мебели из конского волоса опасной скользкости, этажерка-«что-нибудь», а в самом центре комнаты — ореховый стол, на котором Элла разложила альбом в красном плюше, стереоскоп с корзинкой видовых карточек и гипсовый слепок мальчика, всё никак не находящего занозу в своей ноге. Дом был простой, но изо всех сил тянувшийся к моде дня.

Когда Элла подошла к двери гостиной, чтобы вытряхнуть вязанные салфеточки, полагавшиеся на спинки мебели из конского волоса, она заметила молодого человека, медленно проходившего мимо дома под дождѣм и пристально его разглядывавшего. При звуке открывшейся двери он резко отвернулся и зашагал быстрее прочь по улице. «Вот он, пошѣл», — сообщила она матери, — «тот самый молодой человек, чѣй перо мощнее его меч-рыбы». И весело рассмеялась собственной остроте.

Она наблюдала из тени дверного проѣма, как он перешѣл улицу, свернул в большой двор с двумя чугунными оленями и поднялся по ступеням большого кирпичного дома с башенкой на углу.

— Это дом судьи Питерса, — сказала миссис Бишоп, — соседка... рассказывала... Другой сын... она говорила... то ли медицина, то ли право... или что-то такое... — Бедная миссис Бишоп, вечно скользящая по жизни, вечно осведомлѣнная лишь наполовину, никогда ни в чём не уверенная до конца.

— Да, я же тебе это и рассказывала, мама. Разве не помнишь? Это как раз сходится с тем, что говорила Айрин Ван Несс: она наполовину помолвлена с Честером Питерсом, который сейчас учится вдали и через несколько лет вернѣтся, чтобы работать в отцовской юридической конторе. А этого учителя каллиграфии зовут Сэм, и Айрин Ван Несс говорит, что никогда не видела двух настолько непохожих братьев.

Первый день Эллы в школе оказался богат самыми разными и любопытными сведениями. Живая, наблюдательная девушка интересовалась каждым человеком, с которым сталкивалась.

В четверг дождь прекратился, так что короткая дорога до школы стала настоящим удовольствием. Здание колледжа стояло так далеко в прерийном пастбище, что добрую половину пути Элле пришлось идти по траве будущего кампуса. Он лежал к западу от Оук-Ривер, у извилистой прерийной дороги, тянувшей свою грязную ленту к югу от пастбища и дальше. К северу протекал Оук-Крик — блуждающий, цыганского нрава ручей, который после множества прихотливых извивов впадал в реку.

Все живые чувства девушки были открыты красоте этого дня и радости бытия. Взгляду её представляли широкие просторы прерии, чья волнистая ширь нарушалась лишь купами деревьев, отмечавшими фермы первых поселенцев, да далѣким горизонтом, где небо сходилось с прерией, точно синяя фарфоровая чаша, перевѣрнутая над блюдом цвета нефрита. До слуха её долетали гул лесопилки Оук-Ривер, далѣкое стрекотание степной курочки и мягкий печаль-

ный плач горлиц. В ноздри бил терпкий запах прерийной травы и прерийного чернозёма после проливного дождя, а со стороны русла ручья доносился слабый аромат созревших диких яблочек и боярышника.

Пробираясь сквозь высокую траву, она видела впереди себя многих новых знакомых, бредущих к этому новому дельфийскому оракулу — этому греческому храму с громоотводами: крупнокостного Джорджа Шрёдера, худенького Альберта Фонду, шотландку Джанет Маклафлин. Открытый двухместный экипаж с горячащимися гнедыми, звякающей упряжью и раскачивающимися сетками от мух прокатился по неровной земле и остановился рядом с ней. Правил пожилой чернокожий кучер в высоком шёлковом цилиндре; на заднем сиденье была Айрин Ван Несс.

— Иди сюда, садись, — приветливо позвала Айрин. И Элла, подхватив длинную оборчатую клетчатую юбку и прижав её вместе с книгами, взобралась на высокое сиденье рядом с ней. На Айрин было голубое шёлковое платье с белыми перламутровыми пуговицами и такая же в тон накидка.

Пока экипаж подпрыгивал на неровностях, они миновали корову, пасущуюся у здания колледжа, и когда та жадно ухватила полный рот сочной влажной прерийной травы, Элла заметила: «Это корова профессора Уика — смотри, до чего на него похожа».

Айрин это рассмешило до слёз — корова невозмутимо взирала на них поверх огромного пучка травы, точь-в-точь как профессор Уик спокойно поглядывал поверх своих густых бакенбард.

В тот день рабочие как раз достраивали новые деревянные ступени, но для двух девушек положили доску с рейками поверх открытого каркаса. Крис Йенсен стоял наверху и ловил каждую за руку, пока та, покачиваясь и хихикая, взбиралась по настилу.

День во многом повторял первый, но без его гнетущих сторон. Профессор Уик провёл занятие с опытами, где главным действующим лицом снова выступил голосистый воздушный насос, профессор Картер предпринял героическую попытку посвятить новичков в тайны Чосера, мисс Паттон, невозмутимо перекроив годовой план по собственному усмотрению, решительно перенесла внимание из Южной Америки на Британские острова, а юный Сэм Питерс прибавил своему водоплавающему позвоночному ещё пару плавников для пущей выразительности.

И был вечер, и было утро: день второй.

ГЛАВА III

Элла Бишоп, крепкая, выросшая в деревне, чуткая к каждому новому впечатлению, безмерно наслаждалась учёбой в новом колледже, но сказать, что учёба была для неё главным удовольствием, значит признать не то, что она меньше любила свои занятия, а то, что она сильнее любила своих однокашников. Особая любительница человеческого общения, она вносила в каждый учебный день избыток бодрости духа, вкус к жизни и природное дружелюбие ко всем в маленькой школе — от президента Коркорана до Криса Йенсена.

К новым соседям она испытывала то же здоровое любопытство и то же дружелюбие. В пятницу утром той первой недели Сэм Питерс догнал её, когда она выходила из дома, и понёс её книги по длинной неровной улице и через грубую прерийную траву до самой школы. К его застенчивости она испытывала одно лишь сочувствие, а когда он признался ей, что не особенно рад учительству, но отец настоял, чтобы он попробовал, сердце её искренне заболело за этого удручённого на вид юношу.

В субботу она впервые увидела, как судья Питерс выходит из большого кирпичного дома с башенкой на углу, точно жёсткая шляпа, надвинутая на один глаз.

А видеть, как судья Питерс покидает дом и направляется к своей юридической конторе, было почти то же, что видеть, как океанский лайнер отходит от причала. Помахивая тростью в неизменном ритме, он шёл неспешной, длинной поступью, мерной, точно такт четыре четверти в музыке. Он был высок, напыщен, торжественен. Чёрные бакенбарды обрамляли его лицо, широкий чёрный шнур соединял очки с каким-то стратегическим местом на сюртуке, чёрные перчатки довершали ансамбль, а веточка красной герани в петлице ставила последний штрих в этом произведении искусства.

К октябрю, когда пришли дни бабьего лета, судья с супругой, по старому доброму обычаю добрососедства, явились однажды вечером с визитом.

Миссис Бишоп весь день не слишком ловко и довольно неряшливо варила во дворе яблочное повидло. Она мешала стряпню в чугунном котле, подвешенном на цепи над огнём, большой деревянной лопаткой, — мешала, по её собственным словам, пока не устала думать вообще. Спалив последнюю порцию, она оставила её в котле, чтобы Элла, вернувшись домой, отмыла неприятное месиво.

Так что, когда прибыли судья с миссис Питерс, она была совершенно выбита из колеи столь неожиданным явлением такой важности. Она суетливо металась по комнате, снимая фартук, сдвигая стулья на пару дюймов от их прежних мест, выбирая воображаемые нитки с пола. Даже в свои шестнадцать Элла держалась куда увереннее своей хрупкой матери — её ничуть не смутил напыщенный приход судьи с покорной маленькой женой на буксире. На миссис Питерс была шаль в узор пейсли и чёрный бархатный капор с анютиными глазками по краю и атласными завязками под её терпеливым лицом.

— Мы пришли засвидетельствовать своё почтение новым жителям нашего прекрасного города, — объявил судья с напыщенной официальностью.

Маленькая жена кротко кивнула в знак согласия — и тут Элла увидела, до чего застенчивый учитель каллиграфии похож на свою мать.

Весь визит прошёл в тоне, заданном судьёй. Он был так закован в официальные обороты, что Элле казалось, будто он нарочно выбирает самый трудный и длинный способ сказать простую вещь. Заметить, что погода стоит мягкая, для него означало сказать, что в деятельности стихий наблюдается заметное отсутствие ненастья.

Однажды он повернулся к Элле с исключительным вниманием: — Вы, без сомнения, уже успели свести знакомство, хотя бы в качестве студентки с наставником, с моим старшим сыном Сэмюэлом?

— Да, — сказала Элла, — о да, сэр. — Боже мой, подумала она, он и меня умудряется напугать. Неудивительно, что его женушка так робеет.

— Вы, без сомнения, уже слышали, что у меня есть и младший сын. — И прежде чем Элла успела ответить, он с гордостью продолжил: — Младший сын, Честер, изучает право в Уинсайде, — способный, учёный юноша, я бы даже рискнул сказать — блестящий. Он сделает из юриспруденции нечто исполненное истины, красоты и справедливости.

— Это, конечно, замечательно, сэр. — В его присутствии от собеседника многого и не требовалось. Ему нужен был лишь слушатель для собственных пышных речей.

— Честер и Сэм очень разные, — заявил он без всякой видимой неохоты открыто сравнивать сыновей. Элла была уверена, что видела, как маленькая жена вспыхнула и отпрянула, точно от удара. — Честеру совершенно чужды застенчивость и робость Сэма — у него есть многое из того, чего Сэму недостаёт.

И она едва сдержала неловкость за мать, когда он прибавил: — Сэм пошёл в мать, — Честер очень похож на меня. Я чрезвычайно горжусь Честером. Он станет великим юристом, — да, именно так, — блестящим юристом.

Эту гордо повторённую фразу Элле суждено было вспомнить много лет спустя.

— Я также очень надеюсь, что однажды Честер отдаст руку и сердце дочери моего друга-банкира, тем самым объединив старинные семьи Питерсов и Ван Нессов.

Вот оно что, подумала Элла, — возможно, «наполовинная» помолвка Айрин с Честером — всего лишь договорённость между семьями.

«Мне бы это не понравилось, — подумала она. — Когда я буду помолвлена, я хочу, чтобы мужчина любил меня саму, а не по какой-то другой причине». Затем она окинула взглядом скромную маленькую гостиную с дешёвым ковром и недорогими занавесками, мебелью из конского волоса и вязаными вручную салфеточками и рассмеялась про себя: «Что ж, меня-то он полюбит именно саму по себе, это точно».

После визита самолюбование этого человека и откровенное сопоставление двух сыновей произвели на неё такое впечатление, что в последующие недели она обнаружила в себе неприязнь к младшему Честеру ещё до того, как увидела его, — и, напротив, испытывала сравнительное сострадание к застенчивому молодому учителю, так усердно вбивавшему в учеников плавные размашистые движения спенсеровского письма.

В тот октябрь он раз шесть провожал её домой из колледжа — так робко, так самоуничижительно, что, хотя она беззвучно посмеивалась над его неказистой застенчивостью, в ней всякий раз вновь просыпалось сочувствие к нему.

Мать спросила её об этом: — Этот Сэм Питерс, Элла... ты... как бы это... ты не... понимаешь, он кажется мне...

— Мама, честное слово, — она всегда умела перевести на понятный язык обрывочные мысли матери, — ты же не думаешь, что он мне особенно нравится только потому, что нам по пути домой?

Глаза матери наполнились слезами. — Не думаю... я ведь не останусь с тобой... долго, Элла. Мне бы хотелось... чтобы ты устроилась...

Элла бросилась к хрупкой маленькой женщине и крепко обняла её сильными руками. — Ты проживёшь со мной ещё долго, мама. И мне вовсе не нужно устраиваться прямо сейчас — у меня впереди годы и годы.

Миссис Бишоп вытерла наполнившиеся слезами глаза уголком фартука. — Только бы ты... не осталась... старой девой... мне бы этого не хотелось...

Элла запрокинула голову и рассмеялась своим звонким смехом. — Не волнуйся. Я не стану старой девой. — Внезапно её голос упал до хрипловатой нежности. — У меня для этого слишком много мечтаний, мама. Порой мне кажется, будто я тку на станке, а вместо челнока у меня — веретено надежд и грёз. И неважно, мама, как прекрасен узор, — неважно, сколько

роскошных красок я в него вплетаю, — в самом центре всегда... ты понимаешь... просто маленький домик в саду, алые отсветы очага и... мужчина, которого я люблю... и дети... и счастье. Для меня, мама, это и есть конец всех мечтаний.

ГЛАВА IV

Всю ту осень жизнь в молодом колледже была для Эллы Бишоп нескончаемым путешествием, полным приключений. Полная сил, с живым умом, жадно ловящим всякую пользу от новой обстановки, она каждое утро с нетерпеливым предвкушением облачалась то в синее, отделанное клеткой, то в клетчатое, отделанное синим, и отправлялась на поиски собственного Святого Грааля. Но школьная жизнь для этой деревенской девушки была не только путём к знаниям, но и путём к тому, что больше знаний, — к общению с близкими. Она никогда не теряла интереса даже к самым незаметным из однокашников — держала для всех открытым дом в покоях своего сердца. «В каждом из них есть что-то, за что его можно полюбить», — говорила она матери.

— Ты вся в отца, Элла, — со слезами на глазах отвечала миссис Бишоп. — Уверю тебя... он тоже был такой... его друзья... он знал всех до единого... а потом подумать только...

— Друзья! — Элла всегда пропускала мимо ушей уныние матери. — Знаешь, мама, я лучше буду иметь друзей, чем сколько угодно денег.

Мать выдавила бледную улыбку. — Полагаю... твоё желание, Элла... исполнится... отца нет... по крайней мере, денег теперь... денег совсем нет...

И вот с неизменной бодростью духа Элла радостно ходила в школу каждое утро — сквозь прекрасное бабье лето среднезападного октября, когда в прерийной траве ещё пестрели редкие полевые цветы, — сквозь стылые ноябрьские дожди, когда лужи на дороге затягивались белой каёмкой льда, — и сквозь тяжёлые декабрьские снега, из-за которых молодому датскому сторожу приходилось выезжать с лошадью прокладывать тропу, чтобы девушки в своих широких юбках могли пробраться через поле.

На Рождество домой приехал Честер Питерс, и Элла с чем-то похожим на сожаление признала превосходство обаяния младшего брата. В городке случилось несколько праздничных событий, на которые её приглашали: маскарад в городской ратуше, более избранный приём в новогоднюю ночь в большом доме Айрин Ван Несс на Мейн-стрит, и катание на санях в город Мейнард с ужином из устриц по прибытии. Кавалером Айрин Ван Несс был Честер Питерс, хотя Элла с неохотой признавала про себя, что пылким влюблённым он вовсе не выглядел, поскольку куда больше внимания уделял приезжей гостье со стороны, чем самой Айрин. Правда, красавицей Айрин не была — желтоватая и худосочная, она пыталась скрыть эти недостатки постоянной сменой нарядных туалетов. Бедная Айрин — при всех своих прекрасных вещах она никогда не выглядела особенно привлекательной. Неудивительно, что она была лишь «наполовину помолвлена» с Честером.

На вечер к Айрин Элла пошла с Сэмюэлом Питерсом. И хотя он ничуть её не привлекал и, честно говоря, откровенно наскучивал, со своей обычной живостью духа она умудрилась прекрасно провести время, невзирая на его довольно унылое присутствие.

Большие зимние снега стояли, огромные глыбы соскальзывали с крыши колледжа, так что всякий забег по широким новым деревянным ступеням превращался в азартную игру, где на кону был собственный затылок. Пришла весна — великолепное создание: прерийный кампус зазеленел пышной зеленью, точно ей сшили новое прекрасное платье, дикие розы отделяли зелень этого наряда, бутоны дикого боярышника украсили её волосы, цветы дикой яблони источали для неё аромат, а прерийные жаворонки пели для неё песни. Крис Йенсен высадил молодые вязы и клёны двумя изгибающимися линиями к дверям здания — огромный полуэллипс тонких прутиков в нескольких ярдах друг от друга, вокруг каждого из которых он поставил небольшой бочонок для защиты. Джордж Шрёдер и Альберт Фонда помогали ему после уроков, чтобы отработать часть платы за обучение. Когда все трое закончили, крохотные

деревца выглядели почти комично — просто прутики, затерянные среди полусотни огуречных бочонков на широком просторе прерийного кампуса.

Весна сменилась летом, голос полевого жаворонка смолк в знойной жаре, а прерийная трава сохла на сеновал. Всё лето Крис Йенсен возил воду к крохотным деревцам, так что президент Коркоран сказал ему однажды: «Крис, когда будущие поколения будут сидеть под могучими ветвями исполинских вязов и клёнов, им следует вспоминать о тебе».

— Ну и, ей-богу, — просиял Крис от похвалы, — тогда я буду стар, как Мафусаил, а мы все будем рвать с деревьев маринованные огурчики.

Лето закончилось, и начались занятия.

Если для Эллы первый год был по большей части временем привыкания к новым условиям и знакомств, то второй год оказался годом настоящего роста, когда обрели форму сразу несколько важных начинаний. Не успело возникнуть дискуссионное общество молодых людей, как Элла уже рвалась в бой. По её убеждению, ни один студент-мужчина не должен был идти дорогами, закрытыми для его товаров, и потому во многом стараниями Эллы, нашедшей себе верную помощницу в лице некой Мэри Кромби, на свет появилось общество «Минерва».

Собирались они раз в неделю в маленькой комнате на третьем этаже, которую президент Коркоран разрешил им занять, — и никого особенно не удивило, что первой председательницей избрали именно Эллу.

Вместе с Эллой в число членов-учредительниц вошли ещё шесть девушек — Айрин Ван Несс и Джанет Маклафлин, шотландка, простодушная и милая; Мэри Кромби, прямая и деловитая; некая Мина Гордон, маленькая, гибкая, с цыганской повадкой; Эмили Тисдейл, первая красавица колледжа; и Эвелин Хоббс, тихая и застенчиво остроумная.

Несколько месяцев все общество целиком составляли эти семь основательниц, но по мере того как крепла их уверенность в публичных выступлениях, в сочинении друг для друга эссе и собственных стихов, явилось желание покорять новые миры, и заветные преграды опустили, впустив ещё шестерых Дочерей Мудрости.

Устраивались жаркие дебаты, в которых, насколько это было в их силах, разрешались животрепещущие вопросы всеобщего избирательного права, достижений национальных партий и того, что сияло ярче — Рим или Афины.

По пятницам после обеда, когда закрытые деловые собрания заканчивались и двери открывались для простого народа, маленькая комната на третьем этаже, служившая местом встреч служительниц Минервы, становилась Меккой для тех, кто был за пределами круга избранных. Приходили и другие девушки — послушать жемчужины, слетающие с уст немногих избранных. Иногда заглядывала и компания молодых людей, вызывая изрядную суматоху с внесением дополнительных стульев и трепет девичьих сердец, — а девичьи сердца в конце семидесятых трепетали куда охотнее, чем в наши дни.

На этих собраниях Элла Бишоп была в своей стихии. Ведала ли она всей программой целиком или исполняла лишь скромную обязанность задёргивать одну половину чёрной коленкоровой занавески по шаткому карнизу навстречу другой, она вкладывала в свою задачу глубокое усердие. Восседала ли она в кресле председательницы, властно распоряжаясь шумной деревянной толкушкой для картофеля, привезённой из дома в качестве председательского молотка, или же смиренно сидела на холоде за дверью в роли часового, точно маленькая Рода у ворот, — она вкладывала в это всю свою энергию. Её соперницей по части руководства была Мэри Кромби, чья кипучая энергия выливалась в глубокую враждебность ко всему мужскому. Женщина однажды будет голосовать, женщина однажды займёт государственный пост, женщина будет состязаться с мужчиной — таков был её боевой клич. В большинстве случаев девушки с ней соглашались, но в ту пятницу, когда она, широко размахивая рукой, заявила, что однажды женщина будет заседать в кабинете министров в Вашингтоне, все они разразились звонким девичьим смехом от нелепости такого предположения.

В тот год была основана библиотека, и хотя состояла она целиком из «Пути паломника», пьес некоего Уильяма Шекспира, «Хижины дяди Тома», «Швейцарской семьи Робинзонов», «Жизнеописаний» Плутарха, «Книги мучеников» Фокса и до дыр зачитанного, в высшей степени романтического романа «Разрушенные преграды», — именно она стала зерном той библиотеки в несколько тысяч томов, в которую всё это со временем разрастётся.

Студенты по большей части были серьёзны, прилежны, почти чрезмерно усердны. Президент Коркоран вкладывал душу и сердце в строительство великого колледжа. Если порой его охватывало уныние, если изношенное лабораторное оборудование, наполовину обставленные классные комнаты или малое число студентов тревожили его, он не подавал виду, но отдавал всю свою энергию тем немногим студентам и тем людям, что с таким воодушевлением основали эту школу.

На втором году до сведения начальства дошла ужасная новость: юноши и девушки колледжа оказывают друг другу романтические знаки внимания. Обнаружив это преступление веков, достопочтенное правление немедленно издало постановление, которое напечатали и раздали всем сорока шести студентам. Постановление гласило: «Хотя ожидается, что дамы и господа настоящего заведения будут относиться друг к другу с вежливой и учтивой любезностью, существует граница, за которой начинается нарушение приличий утончённого общества. Всё, напоминающее избирательное предпочтение, строго воспрещается. Уединённые прогулки и катания в любое время не допускаются. Студенты обоих полов могут встречаться наедине лишь с особого разрешения президента, и исключительно по делу».

Нужно отдать должное президенту Коркорану — он несколько часов усердно убеждал правление, пытаясь объяснить извечную человеческую истину: плод, строго запретный, немедленно становится тем самым плодом, которого возжелают все Адамы и Евы на свете. Но комитет по правилам и предписаниям остался непреклонен, и два года это постановление значилось в книгах колледжа, покуда самое действенное из всех орудий — насмешка — не сделало его окончательно мёртвой буквой.

К концу второго года Сэма Питерса вычеркнули из списка преподавателей. Несмотря на его удивительную ловкость в обращении с пером, ни Сэм, ни его экзотические рыбы, ни искусно выведенная рука с торчащим указательным пальцем, которую он умел рисовать так мастерски, не были сочтены достаточно важным подспорьем на пути к успеху, чтобы оправдать продолжение его службы.

После этого судья Питерс и президент Коркоран старательно избегали друг друга — по слухам, из-за того, что судья Питерс обрушил на президента всю тяжесть своего обширного словарного запаса, добавив к словам, что можно сыскать в словаре, ещё и отборную подборку тех, которых там не сыщешь.

Жизнь бедного Сэма под испепеляющей критикой отца стала куда менее уютной, чем прежде. Вскоре он поступил на службу в бакалейную лавку, где вёл счётные книги своим изящным спенсеровским почерком, слегка украшая записи замысловатыми изображениями рук с длинными указательными пальцами, указывающими на различные товары; но поскольку вдобавок к бухгалтерии ему приходилось обслуживать покупателей, а покупатели в семидесятые и восьмидесятые охотно брали солёную макрель и копчёную селёдку, охота рисовать рыб у него как-то незаметно пропала.

При первой же прибавке к жалованью счетовода он нарядился в лучшее платье, перешёл улицу и с почти такой же торжественностью, какую мог бы напустить на себя его отец, попросил Эллу оказать ему честь стать его женой.

— О нет, Сэм, я не могу. Я не могу об этом и думать.

— Есть кто-то другой, кто тебе нравится? — бледно-голубые глаза Сэма моргнули от боли.

— Да, — сказала Элла и тут же торопливо добавила: — Ох нет, я не то хотела сказать, Сэм. Я даже не подумала, что говорю, когда сказала «да». Я хотела сказать, что надеюсь, что однажды появится тот, к кому я смогу испытывать чувства. У меня в голове есть идеал. Я почти вижу его. — Она так воодушевилась, что даже Сэм, при всей своей недогадливости, понял: надежды нет никакой. — Я вижу, какой он высокий... и широкоплечий... и хотя лица его я никогда не могу разглядеть — в моих мечтах, понимаешь, — но почему-то я просто чувствую, что узнаю его сразу же, как только увижу.

— Значит... он не... — Сэм с трудом сглотнул. — Он не похож на меня?

— О нет. — И при виде того, как вспыхнуло его худое измождённое лицо, она протянула ему руку. — Мне так жаль. Ты же понимаешь... как это бывает. Если не можешь — значит, просто не можешь.

— Пожалуй, что так.

— Но я буду твоим другом, Сэм... всю свою жизнь.

— Боюсь, дружба... не так уж много значит, Элла.

— О нет, значит, Сэм, ещё как значит. Дружба — прекрасная вещь, совершенно чудесная вещь. Давай дадим друг другу обещание. Какую бы девушку ты ни взял в жёны, и за какого бы мужчину я ни вышла замуж, — давай пообещаем оставаться друзьями всю жизнь. Обещаешь?

Сэм поднял своё худое, обиженное лицо. — Если ты так говоришь, Элла.

— Я так говорю. — Она произнесла это радостно, будто весь вопрос был решён к обоюдному удовольствию. — Договорились. Мы всегда будем друзьями. Когда я стану старушкой, а ты стариком, — забавно об этом думать, правда, Сэм? — мы всё равно будем друзьями. — Прозвучало это так, будто она даровала ему великую честь, будто юная жрица совершала над ним обряд помазания.

Уже в восемнадцать лет в ней жил этот убедительный дар — умение заставить людей взглянуть на вещь её глазами, поверить, что решение — их собственное.

И Сэм ушёл, ступая почти бодро, — унося с собой обещание Эллы о вечной дружбе. Бедный Сэм Питерс, уходивший с дружбой в руках — а пришедший за любовью.

ГЛАВА V

К третьему году обучения Эллы в колледже открыли педагогический курс и курс музыки — и она сразу же принялась изучать дидактику. Служить приказчицей в лавке, вести домашнее хозяйство или учительствовать в школе — таковы были три единственных пути, открытых перед любой девушкой, и выбор её ума был мгновенным. Учительствовать — что ж, по крайней мере до тех пор, пока не примчится верхом её собственный Лохинвар, признавалась она себе в самом сокровенном уголке сердца, где обитала её настоящая суть. Иметь собственный дом, детей — этому не могло найтись замены. Но она не могла взглянуть на прекрасную картину, так свято хранившуюся в её сердце, и поместить туда кого-либо из знакомых ей ныне молодых людей. Единственный, кто предлагал ей руку, был Сэм Питерс, — а Сэм был немислим.

Юноши колледжа все были славные ребята. Она восхищалась их энергией и искренностью, но её взыскательному уму никто из них не казался выдающимся — ни Джордж Шрёдер с его копной жёстких волос, иностранным акцентом и неизменными похвалами всему германскому, — ни маленький Альберт Фонда с его одержимостью изучением луны и звёзд, — ни кто-либо другой.

Так последние два года прошли в том же беззаботном расположении духа, что и первые. В эти годы преподавательский состав пополнился новыми курсами — профессор Каннингем вёл дидактику, мисс Сьюзи Макалистер — музыку: первый был приветлив и остроумен, вторая же так была предана богине Эвтерпе, что жила в совсем ином мире, дышала воздухом высших сфер.

В молодой колледж прибывали новички, распространялись знания, расширялись умы, общество «Минерва» крепло числом и красноречием, прерийную траву косили, а вязы и клёны уже свысока поглядывали на свои огуречные бочонки с высоты в добрых пять футов. В воздухе пахло ростом.

Теперь можно было с шиком доехать до самых дверей Центрального зала в общественном экипаже, именуемом «хэком», — правда, всегда с предусмотрительной мерой предосторожности: подложить на сиденье газету или собственную шаль, чтобы красный плюш обивки не слишком близко познакомился с одеждой.

Наступила весна 1880 года, и первому выпуску предстояло окончить колледж. Элла разослала заявления в правление Оук-Ривер, в Мейнард, в Мейпл-Сити — всюду, где, как ей казалось, мог найтись шанс на учительскую должность.

Джанет Маклафлин избрали в Мейнарде, Мэри Кромби — в Мейпл-Сити. Мине Гордон, Эвелин Хоббс и Эмили Тисдейл предстояло выйти замуж. Айрин Ван Несс должна была остаться дома в ожидании, когда у Честера Питерса вдруг возникнет желание сделаться помолвленным окончательно и бесповоротно. А у Эллы всё ещё не было места.

Приближалось время выпускных экзаменов. В измученные дни и бессонные ночи Элла вместе с одиннадцатью другими членами первого выпуска зубрила материал перед решающей битвой. Ни одна дата казни не могла бы вызывать большего ужаса, чем третье, четвёртое и пятое июня, отмеченные предостерегающими крестиками в двенадцати календариках. Элла осунулась, потеряла аппетит и вес, и среди прочих её тревог неизменно присутствовала мысль, что на осень она так и не получила места. Единственным её заветным желанием было найти школу достаточно близко, чтобы жить дома со своей неизменно хрупкой матерью. Иногда по ночам она просыпалась в холодном поту от ужасной мысли, что, похоже, ей вообще не достанется никакой школы. Она лежала без сна, натянутая как струна, и думала: «Но я должна... я обязана получить место в школе... мама провела меня через весь колледж... у неё недостаточно средств, чтобы жить самой...» Всё это не слишком способствовало ни телесному здоро-

вью, ни спокойствию духа накануне тех воображаемых мартовских ид, на которые были назначены экзамены.

А потом случилось чудо. Президент Коркоран вызвал её к себе в кабинет и спросил, не хотела бы она преподавать в колледже английскую грамматику. Школа росла, классы перестраивались...

Элла не могла поверить услышанному. Ей казалось, что она грезит наяву — вот-вот проснётся в своей спальне и посмеётся над нелепой фантазией. Но нет, президент Коркоран говорил дальше: «Я наблюдал за вами четыре года, мисс Элла. Вы прекрасно успевали по грамматике. У вас острый ум, открытое сердце, завидный нрав и то самое качество, которое представляется мне подлинной душой учительского призвания, — живой интерес к ближнему».

Ни один рыцарь, посвящённый прикосновением королевского меча, не чувствовал себя столь удостоенным чести.

Были формальности с письменным заявлением, несколько дней ожидания решения, уже принятого на заседании правления, — и Элла Бишоп оставалась в стенах своей юной alma mater преподавать. Зарабатывать жалованье, пусть и скромное, содержать мать, жить дома, — весь мир окрасился в яркие, розоватые тона.

— Чем же я заслужила такую удачу? — снова и снова спрашивала она мать.

— Ты вся в отца, Элла. Он... было в нём что-то... он всегда... — миссис Бишоп со слезами на глазах силилась подобрать объяснение. — Ты берёшься за дело... точно так же, как...

Экзамены завершились без жертв. Выпускной вечер стал реальностью и, озарённый радостным известием о новой должности, обернулся для Эллы Бишоп подлинным счастьем и ликованием. Именно для Эллы Бишоп, ведь для горожан, друзей и родственников двенадцати выпускников это веселье имело и свои тяжёлые минуты. В воскресенье президент Коркоран произнёс утомительную, хоть и искреннюю, напутственную речь. В понедельник прошли торжества выпускного класса. Во вторник четверо из двенадцати выпускников произнесли речи по сорок пять минут каждая. В среду ещё четверо держали трибуну ещё три часа. В четверг последняя группа говорила ещё три часа перед изнемогшей, взмокшей, вымотанной, но верной долгу аудиторией. Джордж Шрёдер, так и не избавившийся от немецкого акцента, произнёс восторженную оду своему любимому Гёте. Альберт Фонда выступил на тему «Ход звёзд». Мэри Кромби столь напористо отстаивала дело женских прав, что чуть не разорвала рукав своего тёмно-синего шёлкового платья. Элла выложила всё, что когда-либо знала и когда-либо узнает об «Американских писателях». Айрин Ван Несс, чью речь написал её отец, представила глубокомысленное рассуждение о «Финансовой системе нашей страны». «За Альпами лежит Италия», «Небеса не достигаются одним прыжком» и «Чёрный каблук твоего сапога» также не остались без внимания.

Затянувшиеся торжества проходили в актовом зале. Девушки были в шёлковых платьях со шлейфами и верблюжьими горбами сзади на проволочных турнюрах. Длинные золотые цепочки от часов обвивали их шеи, спускаясь куда-то в область пышных, подбитых грудей. Окна были распахнуты навстречу удушливому летнему воздуху, майским жукам и топоту лошадей, привязанных у коновязи. Запах, проникавший в самый дальний угол огромного зала, представлял собой смесь июньских роз и конюшни. Веера из пальмовых листьев энергично шлёпали по пуговицам и значкам обществ. Были инструментальные и вокальные номера — соло, дуэты, трио, квартеты и хоры. Были воззвания и благословения, вручения и ответные речи. Никогда ещё родовые муки выпуска не длились так долго.

Двенадцать столов в холле, по одному на каждого выпускника, ломились от букетов домашних цветов, золотых часов, биноклей с перламутровыми ручками, плюшевых альбомов и бесчисленных повторяющихся экземпляров пухлых, обитых тканью «Стихотворений Китса» — или «Бёрнса», или «Шелли».

Крис Йенсен, великолепный в новом костюме лилового оттенка, отчего его красное лицо выглядело так, будто вот-вот хватит удар, сторожил эти сокровища.

Вечером шестого дня в актовом зале, частично освобождённом от скамей, устроили торжественный обед для выпускников, но, к счастью для многострадальной публики, приглашены были лишь сами выпускники, преподаватели и их жёны. Вся процедура заняла столько же дней, сколько, по представлениям фундаменталистов, ушло на сотворение мира. Неудивительно, что весь городок отдыхал на седьмой день и объявил его священным.

На этом первом торжественном обеде выпускников за столы село меньше двух дюжин человек. Президент Коркоран в своей речи упомянул тот возможный день, когда за общим столом соберутся двести выпускников. Представить себе такое казалось почти невозможным.

Элле казалось, что это одно из счастливейших событий её жизни. Экзамены остались позади, кошмарные минуты собственной речи — тоже, и впереди не осталось ничего, кроме дружеского общения с самыми близкими людьми из школьных лет да тёплого сознания того, что ей досталось лучшее из всех учительских мест. Вся жизнь была перед ней. Она была молода, — восхитительно молода, — всего двадцать лет. Она могла распоряжаться своей жизнью, как ей заблагорассудится.

Счастливая Элла — ещё не знавшая, хотя бы недолгое время, что это жизнь распоряжается тобой, как ей заблагорассудится.

ГЛАВА VI

Элла едва могла дождаться начала работы. Иногда летом она заходила в школу, пробираясь через кампусную траву туда, где косил Крис, чтобы взять ключ от здания.

— Можно мне ключ от Центрального зала? — спрашивала она, когда он откладывал косу и шёл к ней навстречу по свежескошенной траве.

— Слушайте... а сему вы всегда говорите «Центральный» зал, — спросил он однажды, — если он тут всего один?

— Разве ты не видишь, Крис? Оглянись вокруг. Вот, встань здесь — разве не видишь целую кучу других зданий — вот тут одно, там другое — вон там здание для гимнастики — а вон там огромная библиотека — а там, может, ещё и корпус для подготовки учителей?

Но сколько ни таращился Крис, разинув рот, он так и не смог разглядеть ни здание для гимнастики, ни огромную библиотеку, ни корпус для подготовки учителей, — ничего, кроме простого трёхэтажного дома, к раскалённому солнцем кирпичу которого отчаянно цеплялось несколько редких побегов плюща. Только те, у кого в юности есть мечты в голове и отвага в сердце, способны разглядеть подобные миражи на самом привычном горизонте.

Её классная комната должна была разместиться на втором этаже, в передней части здания, с крохотной внутренней комнаткой, выходящей из неё. «Мой кабинет», — по многу раз в день шептала она себе под нос, чтобы вновь испытать трепет, который дарили эти слова. Будущий кабинет был маленькой комнаткой в башне, над которой висел колокол. Слышать гулкий звон этого медногорлого вестника прямо у себя над головой значило чувствовать его дрожь в каждом нерве своего существа. Это было больше, чем простой звон колокола, — это был зов к знанию, призыв к самой жизни. Голуби уже начали гнездиться в башне, и когда звонил колокол, они стремительно вылетали наружу, точно спугнутые бездельники. Порой в своей суматошной возне они сами задевали крылом раскачивающийся язык колокола.

В маленькой башенной комнатке были окна с трёх сторон. Из них она видела на востоке город — теперь уже четыре тысячи жителей, вот что колледж сделал для Оук-Ривер, — на юге волнистый кампус (ну, во всяком случае, короткая прерийная трава спускалась по склону), а на западе — фермерские земли, насколько хватало глаз: часть возделанная, а по большей части ещё дикая прерия, без единой дороги или изгороди, где паслись небольшими стайками лошади и коровы, разбредаясь по этому необъятному, ничем не разделённому простору.

Удивительным образом сентябрьское утро, в которое Крис звонил в колокол к началу занятий, оказалось почти точным повторением того дождливого утра, когда сама Элла впервые переступила этот порог четыре года назад. Вспомнив, каким унылым было прежде первое знакомство для этих полуиспуганных новичков, она встала у больших дверей и приветствовала каждого первокурсника так, точно он был почётным гостем, прибывшим на светский приём. Президент Коркоран, проходя по коридору, улыбнулся из-за засады своих бакенбард. «Что бы эта девушка ни делала, она делает это по-настоящему», — сказал он мимоходом профессору Каннингему.

Всю осень Элла Бишоп вела уроки грамматики так, будто сама изобрела прилагательные и лично отвечала за придаточные предложения. Работы она возила домой целыми снопами. Тетради проверяла так дотошно, что ни ничтожное «для него и я», ни крошечное «пришедши» не смели поднять голову без страха перед её твёрдым синим карандашом. Совсем ещё юная, она вовсе не стремилась отстраниться от студенческой жизни. Она была куратором ныне процветающего общества «Минерва». Помогала запустить крохотную студенческую газету под названием «Еженедельный горн». Была секретарём скромного маленького клуба преподавательских семей. «Она просто идеальное связующее звено между преподавателями и студен-

тами, — говорил жене президент Коркоран. — Достаточно молода, чтобы понимать точку зрения студентов, и достаточно степенна, когда это нужно».

Иногда небольшая компания смельчаков-студентов замышляла тайком улизнуть на сеновозе или санях в Мейнард на танцы, и, прослышав об этом, Элла принималась изобретать какое-нибудь новое развлечение, способное перебить их замысел.

В целом жизнь её была насыщенной и по-настоящему интересной, шла бойким для того времени темпом. Город рос. Мистер Ван Несс построил трёхэтажное здание банка, сдавая верхние этажи масонам, чудакам-одиночкам и рыцарям Пифиаса. Каждый день судья Питерс напыщенно шествовал по Адамс-стрит и Мейн-стрит в такт четыре четверти, отбивая ритм своей тростью с золотым набалдашником. Сэм тихонько спускался в бакалейную лавку на рассвете. Честер писал домой восторженные письма о собственных успехах, над которыми Айрин замирала в трепетных надеждах. Миссис Бишоп пыталась вести хозяйство, но результаты выходили настолько путаными и неряшливыми, что Элла подставляла своё молодое плечо и вечерами по возвращении многое переделывала заново.

Выпускной класс — «выпуск 1880 года», как его члены неизменно напоминали друзьям, точно до них было ещё десяток таких выпусков, — завёл круговое письмо. Элла и Айрин Ван Несс были единственными, кто остался жить в Оук-Ривер, так что посылка успевала побывать в десяти других городах, прежде чем вернуться в город своего рождения. У Мины Гордон, Эмили Тисдейл и Эвелин Хоббс теперь у всех троих были новые фамилии, и они почти до слёз желали, чтобы все остальные в классе были так же счастливы, как они. Мэри Кромби и Джанет Маклафлин с удовольствием учительствовали, причём первая основала небольшое общество за женское избирательное право, которое, как она надеялась, разрастётся и охватит всю страну. Джордж Шрёдер преподавал и надеялся скопить достаточно денег, чтобы поехать учиться в Гейдельберг. Отчёт Альберта Фонды по большей части читался как трактат по астрономии — Альберт привязал свою повозку ко всем звёздам без остатка.

В пятницу вечером в ноябре Крис вошёл в комнату Эллы с шумным грохотом вёдер, швабр и метел. Она вздохнула и принялась собирать свои вещи, готовясь уйти. Этот Крис — казалось, он весь этот неделю преследовал её своей звенящей утварью.

Ей чудилось, будто он украдкой поглядывает на неё, изображая бурную деятельность по уборке, которая, впрочем, почти не двигалась с места. Неужели у этого большого неуклюжего малого что-то на уме?

«И почему все вечно выбирают именно меня, чтобы вывалить свои заботы?» — подумала она с лёгкой досадой, когда он наконец заговорил:

— Мисс Бишоп, у меня для вас новость.

Его полное лицо покраснело, бледно-голубые глаза нервно моргали.

— Да, Крис?

— Я женюсь на следующей неделе.

— Ну, Крис, поздравляю. Я и не знала, что у тебя тут есть девушка.

— О, она не здешняя. Она сегодня прибыла через остров Эллис. На следующей неделе она приедет сюда, в Оук-Ривер, — тогда мы и поженимся. Я снял домик напротив школы, там, у Смитов.

— Что ж, это чудесно. Уверена, она хорошая девушка, Крис.

— О да, хорошая, само собой. Я её не видел уже шесть лет. Она ждала, пока я скоплю денег и пришлю на дорогу. Она здоровая и работающая. Поможет мне копить деньги.

«Боже мой, — подумала Элла, — как это неромантично».

— А как её зовут, Крис?

— Ханна Кристина Мария Йенсен.

— Йенсен?

— Ага.

— Как у тебя? Она тебе родня?

— Не-е-ет. — Он запрокинул голову и долго от души хохотал. — В Дании этих Йенсенов пруд пруди.

Эллу это заинтересовало — впрочем, её всегда интересовали ближние. Она словно не могла удержаться от того, чтобы не приложить руку к делам всех вокруг.

— Где вы обвенчаетесь?

— Не знаю. Может, у дома лютеранского пастора.

Внезапно Эллу озарило — один из тех порывов энтузиазма, которыми она была вечно одержима. — Крис, а хотел бы ты обвенчаться у нас, в доме моей матери? Хотел бы ты, чтобы твоя... твоя Ханна Кристина Мария приехала прямо к нам с вокзала... и церемония прошла в гостиной моей матери... а потом небольшой ужин вместе с нами?

Глаза светловолосого великана засияли, полное лицо от волнения покраснелось ещё сильнее. — Ей-богу, мисс Бишоп, это здорово, и я вам благодарен.

Раз уж она загорелась этим новым делом, то, как всегда, отдалась ему всей душой. Несколько раз она заходила в маленький домик по просьбе Криса — за советом. Отвезла туда полдюжины горшков с геранью, послала яйца, хлеб и жареные пышки к первому завтраку — да, пожалуй, отдала бы и салфетку с комода, и занавески из собственной комнаты, если бы понадобилось.

Когда девушка приехала, она оказалась румяной и статной — плоть крепкая, налитая, а бледно-голубые глаза и бледно-жёлтые волосы странно контрастировали с румянцем на лице. Так в гостиной дома Эллы мисс Ханна Кристина Мария Йенсен превратилась в миссис Ханну Крестину Марию Йенсен, после чего молодожёны, лютеранский пастор с женой сели вместе с Эллой и её матерью за то, что оук-риверская газета позже назвала «обильной трапезой».

Уходя в свой домик, Крис сказал: — До самой своей смертной минуты не забуду этой доброты.

Он что-то сказал девушке по-датски и повернулся к Элле: — Она говорит, что, может, придёт когда-нибудь поработать, чтобы показать вам своё уважение.

Это тронуло Эллу. Её всегда немного трогала эта — Криса и Ханны Йенсен — собачья преданность ей на протяжении всей её дальнейшей жизни.

Никого особенно не удивило, когда весной стало известно, что Эллу избрали ещё на один год с прибавкой в пять долларов к месячному жалованью.

— Боюсь... Элла... ты так и останешься старой девой, — жалобно сказала мать, — этак... с преподаванием... это как-то... похоже на...

— Я могу придумать вещи и похуже, мама, — рассмеялась Элла. — Выйти замуж за никчёмного человека, например, и потом брать стирку на дом или шить на заказ. Интересно, наступит ли когда-нибудь день, когда замужняя женщина сможет заниматься чем-то ещё, кроме этих двух занятий?

Но Элла знала, что старой девой не останется. Что-то подсказывало ей это — какой-то поющий голос в самой сокровенной глубине сердца. Как бы ни нравилось ей учительство, — иметь мужа, дом и детей — это было лучше. Именно для этого предназначались её здоровое молодое тело и тёплое сердце. Она это знала.

Начало пути: Юная Элла в аудитории

ГЛАВА VII

На второй год учительства Эллы Честер Питерс, окончив учёбу, вернулся домой и работал в юридической конторе вместе с отцом. Судья Питерс при всяком удобном случае объяснял любому, кто соглашался слушать, каким блестящим малым был Честер и как он сделает из юриспруденции нечто исполненное истины и красоты. О Сэме он говорил мало — яйца, мука и солёная макрель, видно, плохо укладывались в его представления ни об истине, ни о красоте. У Айрин Ван Несс появилась новая шуба — котиковая, отделанная норкой, с длинным рядом свисающих хвостиков вокруг плеч и бёдер, и норковая шапочка в тон. Все были уверены, что теперь, когда Честер остепенился, он непременно на ней женится, и сама Айрин всей душой разделяла это желание.

Элле было её жаль — она не могла себе представить подобный вялый, половинчатый роман, — но вскоре ей предстояло узнать куда больше о собственном.

Была холодная пятничная ночь в ноябре. Весь день шёл снег, и теперь белизна сугробов укрыла и колледж, и кампус, и город, и прерию. В актовом зале колледжа давал концерт новый хоровой кружок — «Эвтерпейцы», как они скромно себя называли, — весь сбор шёл в фонд библиотеки. Но за ужином Элла решила отказаться от похода на концерт. «Заболеть горлом в любой другой вечер и то досадно, — раздражённо сказала она матери, — но заболеть именно в пятницу, когда концерт, — это просто позор. Впервые в жизни я что-то пропускаю».

Но она и слышать не хотела робких предложений матери тоже остаться дома. «Питерсы заедут за тобой, как договаривались, вот ты и поезжай. Я помогу тебе собраться».

Миссис Бишоп было всего чуть за сорок, но быть сорокашестилетней в восьмидесятые годы означало быть старухой. Она надела тяжёлое чёрное шерстяное платье, плотную чёрную накидку, отделанную стеклярусом из чёрного янтаря, чёрный бархатный капор с плоским крепдешиновым бантом наверху и широкими крепдешиновыми завязками под подбородком.

За ней заехали судья с миссис Питерс — рысистые вороны скидывали гривы и весело позвякивали бубенцами на упряжи те немногие минуты, что были вынуждены простоять у приступки для посадки.

Когда они уехали, Элла приняла лекарство, прополоскала горло солёной водой, растёрла шею гусиным жиром со скипидаром и приколола вокруг пострадавшей части своей анатомии широкий лоскут красной фланели.

Некоторое время она читала в своей спальне у тёплого жестяного барабана печки, а затем, поддавшись детской прихоти сварить кленовую тянучку, спустилась на кухню. Подняв наверх кастрюлю с растопленным кленовым сахаром, она открыла окно спальни, чтобы набрать тарелку снега — капать на него ложками горячую массу. Это было любимое лакомство того времени — застывшие шарики кленовой тянучки. В комнату ворвался холодный ветер, дуговые уличные фонари замигали. В пределах досягаемости снега не оказалось, и хотя Рассудок подсказывал ей, что она затевает глупость, Желание заставило её накинуть на плечи вязаную шаль и выйти на крышу.

Когда она повернулась, чтобы вернуться внутрь, окно с шумным грохотом соскользнуло вниз. Она в тот же миг бросилась к стеклу, пытаясь его поднять, но оно не поддавалось ни на волос.

Сперва она отчаянно билась с рамой, а затем, осознав всю серьёзность положения, — с упрямой сосредоточенностью.

Холод пробирал насквозь, и она плотно закуталась в шаль, завязав её узлом, чтобы освободить руки для борьбы с неподатливым окном. Когда оно всё же не поддавалось, она подумала позвать кого-нибудь из ближайших соседей. Но ни в одном из соседних домов не горел свет.

Она осторожно подошла к самому краю скользкой крыши и задумалась, не спрыгнуть ли. «Да уж, и переломаю себе лодыжки, — подумала она, — и потом лишусь чувств от боли и буду лежать, заметённая снегом, когда мама вернётся домой. Она примет меня за поленницу дров». Она нервно усмехнулась и поёжилась.

Так вот, значит, каково это — быть Малютками в Лесу, Принцами в Башне, — а она тут на кухонной крыше?

Что-то влажное и холодное коснулось её носа. Снова начинался снег. Она издала громкое протяжное «Ау-у-у!» Ответа ни от кого на опустевшей улице не последовало — лишь насмешливое эхо. Её снова начало трясти, и в горле застрял сдавленный кашель.

Она поспешила обратно к окну и заколотила по нему кулаками, но стекло не поддавалось. Если бы только она надела крепкие ботинки вместо мягких домашних вязаных тапочек, она могла бы запустить одним из них прямо в стекло.

Но как раз когда её охватило неподдельное отчаяние, она услышала, как кто-то идёт по улице, поскрипывая по укатанному снегом тротуару. Когда он проходил под дуговым фонарём, она разглядела, что он несёт саквояж.

— Ау, — громко позвала она, — не могли бы вы на минутку остановиться?

Мужчина тотчас замедлил шаг, а когда она позвала снова, перешёл улицу и двинулся через сугробы двора широким, размашистым шагом. — В чём дело? — спросил он. — Что случилось?

В полутьме Элла не могла его узнать и решила, что перед ней приезжий незнакомец, но в своём отчаянии она обратилась бы хоть к самому президенту Артуру.

— Мне ужасно неловко вас беспокоить — и до крайности стыдно за собственную нелепость, — но я застряла тут, на крыше, из-за такой глупости, как выход за тарелкой снега. Окно захлопнулось за мной. Я пыталась разбить стекло — я всегда думала, что стекло хрупкое, — и уж точно не такая слабенькая, — но не могу даже трещину пустить.

Молодой человек рассмеялся и поставил на ступеньки саквояж, который держал в руке всё это время. В слабом свете фонаря он выглядел крупным и основательным.

— Где мне взять лестницу?

— В сарае, сразу за дверью, на стене справа.

Он широким шагом направился к сараю, и Элла увидела вспышку спички в темноте и услышала, как фыркнула и поднялась на ноги Полли. Когда он вернулся, лестница лежала у него на плече в равновесии. Не говоря ни слова, он приставил её к сугробу у кухонной стены и крепко придержал.

— Идёмте, — позвал он. — Только осторожнее.

На середине спуска одна из её матерчатых тапочек соскользнула с ноги.

— Так, — вдруг сказал он, — вы не сможете идти по такому глубокому снегу. Я отнесу вас к крыльцу.

— О нет, спасибо, я сама справлюсь. — Ей вдруг стало неловко, стыдно за свой распахивающийся халат теперь, когда она спустилась наполовину и оказалась рядом с незнакомым молодым человеком. — К тому же у меня на горле гусиный жир со скипидаром, — и пахнет это неважно...

Тут он запрокинул голову и добродушно расхохотался, а в ответ, без единого слова, просто снял её с лестницы, обошёл угол кухни и поставил на ноги на крыльце, между насосом от цистерны и корытом для стирки. За это короткое расстояние она так и не успела разглядеть его лицо отчётливо. Было лишь мимолётное впечатление — его большое холодное пальто, его мускулистая сила, — и странное, необъяснимое чувство симпатии к его натуре. Она смутно, торопливо задумалась: правда ли это — что от человека может так исходить его сущность, что её можно уловить даже в незнакомце, даже в темноте...

— Огромное спасибо за хлопоты.

— Хорошо, что я тут проходил, а то бы вам несладко пришлось. Вам всё равно не мешает как следует пропотеть, — серьёзно посоветовал он.

— И хинин, и белую сосну, и дёготь с патокой, и лук с серой впридачу. — Голос у неё слегка сорвался. И оба рассмеялись.

— Раз уж спасение состоялось, не подскажете ли поскорее, где живёт судья Питерс?

Элла указала на большой кирпичный дом, где чугунные олени несли свою мёрзлую стражу среди сугробов.

— Понятно. Чет был моим соседом по комнате — я приехал, чтобы работать в юридической конторе вместе с ним и его отцом.

— О, как мило, — сказала Элла, едва успев осознать эти слова. Мило для кого, Элла? Это вызвало в ней тёплое, дружеское чувство к молодому человеку.

— Что ж, — он протянул руку, — Делберт Томпсон — так зовут вашего доблестного пожарного.

— Элла Бишоп, — она подала ему свою озябшую руку и сердечно добавила: — Я преподаю здесь, в колледже, в Мидвестерне.

— Вы? — Он не поверил. — Я думал, вы совсем девочка — с такой толстой косой на спине.

— Нет, — и она чуть слышно пропела:

«Небесный путь»

Педагога чуть-чуть

Единственный путь для меня».

Оба рассмеялись — с этим приятным молодым человеком смеяться было удивительно легко, — а потом он ушёл, поскрипывая по снежным дорожкам со своим саквояжем. И Элла вошла в дом, вся озарённая изнутри каким-то новым, необычным чувством.

Когда вернулась миссис Бишоп, Элла рассказала ей о забавном происшествии, и мать была страшно расстроена — и пребывание на холоде, и то, что дочь оказалась во власти совершенно незнакомого мужчины. Но как она ни старалась, в своей всегдашней взволнованной, испуганной манере, ей никак не удавалось внушить дочери понимание всей чудовищности пережитой опасности. В самом деле, засыпая позже, укутанная толстым компрессом из свиного сала после горчичной ванночки для ног, дочь эта думала лишь о том, как жаль, что она не смогла разглядеть лицо молодого человека. «Я видела, какой он высокий... и какие широкие у него плечи, — думала она, — но как ни старалась, лица разглядеть не смогла». И вдруг знакомость этих слов настолько её поразила, что вся сонливость мигом слетела. Долго она лежала, вглядываясь в темноту ночи, и вспоминала остальную часть своего давнего пророчества, сказанного Сэму: «Но почему-то я просто чувствую, Сэм, что узнаю его сразу же, как только увижу».

Когда она наконец задремала, ей приснилось, что она ткёт гобелен на кухонной крыше, но ей было так холодно, что пришлось выткать в самом центре картины побольше алых отсветов очага — и маленький домик — и детей...

ГЛАВА VIII

Теперь над дверью конторы рядом с новым зданием банка Оук-Ривер красовалась свежескрашенная вывеска: «Питерс, Питерс и Томпсон». А странное, совершенно неофициальное знакомство Эллы с новым молодым партнёром фирмы уже успело обрасти сияющим ореолом романтики. И жизнь начала открывать новые переживания.

От природы честная, в тот месяц Элла сделалась хитрой и лукавой сама с собой — ни за что не признавалась, что наряжается ради нового молодого адвоката, что посещает каждое собрание в колледже и в городе в надежде увидеть его широкие плечи и готовую улыбку. Она стала чувствовать его появление в комнате каким-то особым чутьём, не оборачиваясь, знала, что он вошёл. Постепенно ей начало казаться, что и он ищет её взглядом.

Влечение оказалось настолько взаимным и мгновенным, что уже к праздникам он сделался её единственным спутником на всех светских событиях города. В январе её уже поддразнивали. Даже её студенты умели невинным намёком вогнать её в предательскую краску. Честер Питерс, казалось, тоже надышался этим наэлектризованным воздухом, поскольку стал внимательнее к Айрин, чем когда-либо прежде, — а Айрин в те дни просто светилась, её желтоватое лицо озарила первая настоящая надежда на исполнение её давней привязанности к Честеру. Честер Питерс и Айрин Ван Несс — Делберт Томпсон и Элла Бишоп — то и дело можно было видеть, как четверо со смехом бредут гуськом по тропинкам, расчищенным в глубоком снегу, или катаются в двухместных санях судьи Питерса, запряжённых иссиня-чёрными рысаками под стать чёрным бакенбардам самого судьи. Сэм в этом веселье не участвовал — тихо ходил в бакалейную лавку, где вёл счётные книги своим плавным спенсеровским почерком и принимал яйца, которые приносили на обмен фермерские жёны. В обходительном отношении Сэма к Элле, казалось, ничего особо не переменилось, — разве что взгляд его стал теперь не просто тоскливым, а трагическим. Чувствуя его застенчивую тоску по себе, Элла порой ощущала к нему изрядное раздражение. Почему самое прекрасное, что случилось в её жизни, должно было омрачаться тенью телячьих взглядов Сэма Питерса?

К февралю Элла была официально помолвлена с Делбертом Томпсоном. В это едва верилось. Всё случилось слишком внезапно — слишком прекрасная вещь, чтобы так скоро облечься в определённые слова. Всего несколько месяцев назад она его вовсе не видела, разве что в собственных девичьих грёзах. Ей нравилось само ухаживание, воображение возможного будущего, бережное хранение у сердца хрупкого, только раскрывающегося цветка романтики. А теперь этим февральским вечером Делберт сжимал её в объятиях, осыпал тёплыми поцелуями её прохладные губы, а она говорила: «Делберт, это слишком быстро. Всё случилось слишком стремительно».

На это он запрокидывал голову и смеялся своим мальчишеским, готовым к смеху смехом. — Ничего не слишком быстро, Элла, — ничто не слишком быстро. Мы поженимся уже этой весной.

— О нет, не этой весной, Делберт. Мне нужно преподавать ещё год — подготовиться... скопить денег... и, может быть, узнать тебя получше, — добавила она чуть застенчиво.

— А ты, оказывается, хладнокровная штучка, Элла? — он отстранил её и в двенадцатый раз с тревогой спросил: — Ты ведь любишь меня, правда?

— О да, да, Делберт. Я люблю тебя... так сильно. Но... подожди немного... мне нужно быть совсем уверенной... это такая огромная вещь... понять, что же такое эта любовь на самом деле.

— Вот что это такое. — Делберт рассмеялся и стиснул её так крепко, что она едва не вскрикнула от силы объятия.

Но Элла знала лучше — Элла Бишоп знала, что её любовь была чем-то большим, чем это, — чем-то более глубоко прекрасным, чем-то бесконечно более тонким.

Так в вихре ухаживаний всё решилось. Элле предстояло оставить место, а свадьбу назначили на июнь, сразу по окончании учебного года.

Когда об этом узнала Айрин Ван Несс, она немного всплакнула. Ей это казалось совершенно непостижимым — она встречалась с Четом Питерсом ещё со школьных времён. Весь город знал, что она девушка Чета, — на неё больше никто не обращал внимания. Но он ни разу не заговаривал о браке. Она купила ткани на два совершенно новых наряда и отнесла их миссис Финч, лучшей портнихе в городе.

Всю весну Элла прожила в разреженной атмосфере собственного романа. Но вместо того чтобы отвлечь её от работы, это лишь усилило её усердие. Каждый урок приближал её к концу учительства, и потому она говорила себе, что должна выложиться в преподавании до конца, пока ещё может. Это розовое счастье, охватившее её, изливалось наружу заботой о других, тёплой добротой к студентам, энергией, стремящейся не упустить ни единой возможности быть полезной.

— Я преподаю так, будто каждый молодой человек в моих классах обязан выучить у меня всю английскую грамматику, какую он вообще когда-либо узнает, — со смехом объясняла она Делберту. — Притворяясь, будто то, чему я не успею научить их за оставшиеся месяцы, они не узнают уже никогда, я тороплюсь и выжимаю из каждой минуты всё до капли.

— Ты просто сгусток энергии, — гордо говорил Делберт, — совсем не похожа на большинство девушек с их кошачьими манерками и глупой болтовнёй.

— А я думала, мужчинам как раз нравятся такие кошечки, — не без ревности замечала Элла, — по чисто женской причине: чтобы он с ней поспорил.

— О, для флирта они, может, и хороши, — но кому нужна кокетка в жёны?

Делберту предстояло переехать в дом Бишопов. Эта черта их будущего брака вызывала у него некоторую досаду.

— Как-то это неправильно получается, Элла. Не так это должно быть, — иногда возражал он.

Но Элла, практичная как всегда, смехом развеивала его смущение. — Мы купили этот дом уже после смерти отца, и за него всё выплачено. Я единственный ребёнок... маме всё равно придётся жить с нами, куда бы мы ни переехали. Так какая разница?

В конце марта она провела свои весенние каникулы, работая за двоих женщин сразу, ведь её жалованье, не такое уж большое, по необходимости приходилось растягивать на множество нужд. Взобравшись на крепкую стремянку, она оклеила спальни изящными цветастыми обоями. Стирала и гладила занавески, скребла, красила и чистила.

«Хоть бы это продержалось так до июня». Она окидывала взглядом дело своих рук с виноватым признанием, что хозяйка из матери не бог весть какая. «Хоть бы я могла позволить себе прислугу — просто чтобы следить за порядком и держать всё в чистоте».

Наступил апрель, мягкий и нежный, с прилётом ласточек-стрижей и вербными почками, лопающимися серым пушком у кампусного ручья, — а время летело на таких золотых крыльях, что Элле пришлось наконец подумать и о платьях. Платья в восьмидесятые годы представляли собой, как известно, целые архитектурные сооружения из складок, воланов, полотнищ, панье, турнюров и шлейфов, и она собиралась заказать лишь два — белое шёлковое для церемонии и тёмно-синее шёлковое. «Только не клетчатое», — поморщилась она.

— Как думаешь, мама, не слишком ли будет расточительно заказать белое шёлковое платье? — она всегда по заведённому обычаю спрашивала совета матери, хотя знала, что решение всё равно останется за ней.

Но, к её почти удивлению, мать ответила решительно: — Да... о да. У меня было... голубое, бледное, помнишь? Твой отец считал... он говорил, что я была так хороша... Это ведь бывает только раз. А когда состаришься... ты всё это проживаешь заново.

Каждый из этих дней был заполнен счастливыми заботами. Студентам нужно было без устали помогать преодолевать трудные места, дом требовал порядка, матери — помощи, дома нужно было кое-что подшить, все планы на скромную июньскую свадьбу довести до совершенства. Порой Элла на миг останавливалась, чтобы разобраться в себе самой. «Что же во мне такого, что отличает меня от других девушек? — думала она. — Если вдуматься, никто и никогда ничего не делает для меня. Я всегда обо всём забочусь сама. Разве не было бы приятно, если бы хоть иногда кто-то другой — мама, к примеру, — брал на себя часть ответственности? Даже Делберт...» — на миг она ощутила укол вины за эту невысказанную мысль. — «Ну да ладно, — рассмеялась она про себя. — Видно, я просто из тех людей, что берутся и делают всё сами».

Третьего апреля она вышла из школы домой в пять часов. Кампусная трава, теперь на своей шестой весне, начинала походить почти на настоящий газон — прежняя прерийная грубость первых двух-трёх лет уступила место, после непрерывного кошения и подсева голубой травы и клевера, довольно приятному зелёному пологому дёрну. Клёны и вязы, высаженные когда-то изгибающейся подковой к самому зданию, начинали и впрямь походить на настоящие деревья, хотя бочоночные клёпки у их подножий, защищавшие от диких кроликов, всё ещё изрядно портили вид.

Идя по длинному деревянному тротуару, она видела вдали Криса, сжигавшего листья. На север летели дикие гуси, малиновки низко пролетали перед ней, сок на солнечной стороне мягкого клёна липко стекал на землю. Все приметы весны были налицо — её весны. Столько всего предстояло сделать, столько мест посетить: у Айрин через несколько дней вечеринка, они с Делбертом скоро едут в Мейнард по его делам для судьи, — он сказал, что это будет настоящее свадебное путешествие с упряжкой судьи Питерса и новеньким блестящим экипажем. Ей нужно было посмотреть ткань для белого платья и сравнить с тем шёлком, что можно достать здесь. Жизнь была так полна, — так радостна. Разве могло в этом мире существовать несчастье?

«Да его просто нет», — сказала она себе с весёлым смешком.

Но несчастье в мире было. Она узнала об этом в тот же миг, как вошла в дом и увидела мать, праздно сидящую с письмом на коленях, со слезами на щеках.

— Мама, милая, — она в тот же миг оказалась рядом с ней на коленях, — что случилось?

— Не стало моего единственного брата, Эллы. — И слёзы полились снова. — Мой Эдди... мой маленький братишка. Ещё одно горе для меня, Эллы. — Затем она прибавила, как бы между прочим, будто это не имело особого значения: — И его дочь... его маленькая Эми... она хочет приехать... сюда к нам, понимаешь, Эллы... и пожить немного.

С холодным ощущением, что жизнь сыграла с ней злую шутку именно тогда, когда она больше всего желала от неё милости, Эллы взяла письмо в руки.

Это была правда. Кузина Эми Сондерс, теперь уже восемнадцатилетняя, хотела приехать из Огайо и пожить у тётушки и кузины Эллы.

«Мне некуда пойти, и я не знаю, что делать. Не могла бы ты приютить меня ненадолго, хотя бы пока я не переживу горе по дорогому папе? И, тётушка, у меня нет ни цента. Я не хочу никому доставлять хлопот, но...»

Элла дочитала письмо словно в тумане, сознавая, что глубоко раздосадована этим вторжением именно сейчас. Молча она вложила розовую записку обратно в такой же розовый конвертик и почти невольно поднесла его к носу. От бумаги исходил едва уловимый запах. На миг она забыла о смысле письма, охваченная прихотливым желанием опознать этот неуловимый, странно знакомый аромат. Что-то из леса. Майское яблоко — вот оно что, — мандрагора, — приторный аромат восковато-белых цветков майского яблока.

ГЛАВА IX

Миссис Бишоп то и дело утирала глаза и вздыхала. Когда Элла долго смотрела на маленькое розовое, благоухающее послание, мать беспомощно спросила: — Ах, Элла, что же... ты думаешь... что нам делать?

— Делать? — Элла вдруг сделалась вся деловитость и решимость. — Тут можно сделать только одно. Послать ей немного денег и написать, чтобы приезжала.

— Ах, Элла... а у самой ведь скоро свадьба. Ты такая... ты хорошая девочка. Сперва я у тебя на руках... твоя новая семейная жизнь... а теперь ещё и малышка Эми.

Взгляд Эллы скользнул мимо взгляда матери. — Я вот подумала, мама: раз уж так вышло — раз Эми приезжает, — может, вы с ней могли бы жить здесь вдвоём. Мы с Делбертом могли бы снять комнаты — в городе, в доме над конторой судьи Питерса. Она бы приглядывала за тобой, ты же понимаешь, а я была бы совсем рядом, если вдруг понадобится.

В влажных глазах матери снова появился тот прежний детский испуг. — Оставить маму, Элла? Оставить меня одну... когда... мне, может быть... в лучшем случае осталось всего год-два...

Это тронуло Эллу, как трогало всегда. Пусть порой её и охватывало раздражение, но стоило ей увидеть эту хрупкую маленькую фигурку, съживающуюся под пеленой страха, и Элла неизменно опускалась на колени, обнимая её крепкими молодыми руками.

— Не думай больше об этом, мама. Я как-нибудь справлюсь с вами обеими.

Когда она рассказала Делберту о приезде Эми, тот особого восторга не выказал.

— Не то чтобы мне пристало возражать, милая Элла, — твой ведь дом, — а я только въезжаю. Я пока ещё не совсем могу проглотить эту гордость. Но не забывай — когда-нибудь именно я обеспечу тебе новый дом. С цветными веерообразными окошками над всеми дверями и окнами, — и чёрным мраморным камином, и этой новомодной ореховой решёткой между всеми комнатами.

Это её порадовало. Ей нравилась эта его честолюбивая сторона — те планы, что он вечно строил на их будущее. Приятно было иметь на кого опереться. За все свои двадцать два года она ни разу не знала времени, когда могла бы переложить ответственность на кого-то другого, — только стоять твёрдо на собственных ногах.

Он привлёк её к себе, прижавшись разгорячённым лицом к её прохладной щеке, его поцелуи жгли ей губы. — Подумать только, я буду жить с тобой... в одном доме... в одной комнате...

— Делберт! — она отстранилась, застенчивая, как всегда. Ей ещё ни разу не удавалось до конца ответить на эти тёплые, порывистые ласки. Тут он упрекнул её за это. — Ты просто айсберг, Элла. Ты меня не любишь.

— О нет, нет, Делберт, я люблю! Ты даже не представляешь, как сильно! Но... дай мне... время. Позволь мне...

Она не смогла договорить.

Как объяснить ему, что любовь — вещь настолько тонкая, настолько изысканная, что ей хочется подержать её в сердце ещё немного, точно любясь жемчужиной — или наслаждаясь красотой розы, — прежде чем надеть её на себя? Порой она смутно задумывалась: способен ли Делберт вообще понять, что любовь — это нечто бесконечно более прекрасное, нечто гораздо более тонкое, чем простая физическая близость? Но тут же, устыдившись собственной неловкости, она отгоняла эту мысль прочь.

Времени оставалось совсем немного, чтобы приготовить третью спальню наверху для молодой кухни до её приезда. Комната миссис Бишоп находилась на первом этаже, а третью наверху прежде не было смысла обставлять, и она служила чуланом.

Теперь же Элле пришлось вернуться к уборке, имея в запасе лишь несколько вечеров после школы и одну субботу, чтобы всё закончить. Она снесла в погреб коробки от шляп и отцовскую армейскую амуницию, оклеила стены обоями, покрасила, повесила свежие занавески и перенесла в комнату кухни своё лучшее кресло из собственной спальни.

Пока она трудилась, интерес к подготовке комнаты для гостя постепенно вытеснял ту досаду, что поначалу вызывало это вторжение. «Бедная малышка, — думала она, — осиротела... моя родная маленькая кухня Эми... а я-то не желала делить с ней кров».

На пятницу вечер у Айрин была намечена вечеринка с шарадами, и вполне могло случиться, подумала Элла, что Эми успеет добраться до Оук-Ривер как раз к этому времени, — и решила, что это будет неплохой способ ввести её в местное общество.

Так всё и вышло. В пятницу Эми прибывала четырёхчасовым поездом с востока. Элла ушла из школы пораньше. Приехал Делберт, запряг Полли, и они были на станции задолго до того, как вдалеке на дороге раздался паровозный гудок. Поезд опоздал на полчаса — на путях оказались коровы, и поездной бригаде пришлось выходить и вызволять одну из них с эстакады, объяснил кондуктор, спрыгивая с вагона. К девушке, спускавшейся по ступенькам вагона, он проявлял, судя по всему, немалую заботливость. Видно, за время пути они успели неплохо подружиться.

Эми была прелестна — Элла признала это про себя. Тонкокостная, мягко округлая, с нежной розовой кожей младенческой фактуры. Широко распахнутые глаза тоже поражали детской голубой чистотой. На ней была небольшая серая накидка-долман, отделанная нежно-голубым, и маленькая жёсткая серая шляпка с васильками. Всё это придавало ей вид пушистой горлицы с голубым воротничком-жабо. И от неё веяло тем же ароматом, что и от письма, — чем-то, смутно напоминавшим Элле приторную сладость восковато-белых майских цветов.

К тому же, как заметила Элла, была она существом совершенно беспомощным. Она ни в чём не была уверена — ни в своём багаже, ни в квитанциях, ни в том, куда идти. Делберт взял на себя все её хлопоты, а она благодарила его так мило, что он даже зарделся от удовольствия.

— Она напоминает мне котёнка, — сказал он позже Элле, — такого пушистого котёночка.

Что же такое Делберт когда-то говорил про котят? Ах да, она вспомнила — для флирта они хороши... Она поспешила отогнать эту мысль.

После ужина Делберт зашёл за девушками, и втроём они отправились сквозь мягкую апрельскую ночь на вечеринку с шарадами в дом Айрин Ван Несс. Большой дом сиял огнями сверху донизу — подвесные лампы со стеклянными подвесками и настенные бра давали света в избытке. Тяжёлая ореховая мебель, тёмные портьеры из шениля, плотный узорчатый брюссельский ковёр и ноттингемские кружевные занавески — всё выглядело роскошно в свете вечерних ламп. На серванте поблёскивало серебро, а когда распахивалась кухонная дверь, оттуда долетали запахи курицы и устриц. Ходили слухи, что мистер Ван Несс даже поручил Сэму Питерсу выписать из Флориды ящик апельсинов.

На Айрин было новое роскошное платье сливового атласа, с квадратным вырезом спереди, из которого её шея поднималась худосочно, а тусклый цвет лица вступал в спор с лиловатым оттенком наряда.

Когда Элла спустилась вниз вместе с Эми, она отчётливо расслышала восхищённый шёпот вокруг. Эми и вправду была очаровательна — «пленительна», как выразился при всех Честер Питерс, отчего Айрин слегка вспыхнула. На Эми было розовое шёлковое платье, её пухлую фигурку стягивал в модный тогда силуэт песочных часов корсет, а низкий вырез спереди открывал молочную белизну кожи. Волосы её были уложены высокой массой золотистых кудрей, сквозь которые была продета чёрная лента — единственный знак траура по недавней утрате. Широко распахнутые голубые глаза с младенческой доверчивостью взирали на новых знакомых. В её речи слышался лёгчайший намёк на дефект, который, судя по всему, некоторые

местные щёголи находили совершенно очаровательным, — они почти сразу образовали вокруг неё небольшой кружок.

К концу вечера, полного шарад и пения у пианино, нескольких танцевальных игр и щедрого угощения, разгорелось нешуточное соперничество за право проводить Эми домой. Чет Питерс властно завоевал её обещание, но когда он поджидал её у подножия лестницы, Делберт попытался его оттеснить резким: «Нет уж. Я её привёз, я сам её и провожу». Однако Чет настоял на своём и увёл Эми в тёплую весеннюю лунную ночь.

Когда они ушли, Элла заметила, что Айрин безуспешно пытается сдержать слёзы.

В последующие дни вся компания уже знала, что Чет Питерс совершенно без ума от Эми Сондерс. Это тревожило Эллу до глубины души, во многом отравляя те дни, которые должны были стать самыми счастливыми в её жизни. Айрин была её лучшей подругой, но теперь была слишком обижена, чтобы её навещать. Всё это создавало довольно тягостное положение.

— Ну почему ей нужно было приехать именно сейчас? — говорила иногда Элла матери.

Но мать лишь неопределённо разводила руками, не зная, что сказать, и могла лишь ждать от Эллы решений на этот счёт.

А что же Эми? Иногда она держалась с Четом холодно, точно бывалая светская дама, а иногда льнула к Делберту и Элле, точно испуганный ребёнок, робеющий перед его пылким ухаживанием. Элла не могла до конца разгадать эту девушку. Была ли та слишком юна и невинна, чтобы понимать собственные чувства? Действительно ли Честер был ей неприятен? Или же она лишь изображала добродетель, которой на самом деле не обладала?

— Он мне нравится, — сказала она однажды им обоим, широко раскрыв мягкие детские голубые глаза. И прибавила с подкупающей прямоотой: — Но Делберт нравится мне больше. — А Элле, с чуть печальной улыбкой: — Это тебе я завидую.

Сказано это было так мило, что Делберт зарделся от удовольствия.

Элла едва находила слова. Среди всех знакомых ей девушек за четыре школьных года, среди всех учениц её классов за два года учительства, — она не встречала никого, похожего на Эми. Та была так мила, так простодушна, — и всё же... На сей раз не бестолковая миссис Бишоп, а сама Элла не смогла закончить свою мысль.

ГЛАВА X

В ту субботу, когда Делберту предстояло по делам ехать в Мейнард — поездка, которой Элла так ждала, — Эми со своей обычной подкупающей прямоотой заметила, что день выдался такой прекрасный, что и ей хотелось бы поехать тоже. Не оставалось ничего иного, кроме как взять её с собой. Едва ли можно было представить, чтобы юную гостью оставили сидеть дома в такой весенний день.

Так поездка, которая должна была стать почти свадебным путешествием, обернулась чем-то совсем иным. Отправляясь в путь, Элла чувствовала раздражение, укоряя себя за скверный нрав, но по мере того как лошади судьи шли ровной рысью, весенний день дышал ароматами, а Эми с Делбертом весело болтали, её неистребимая жизнерадостность тоже взяла верх, и она ощутила такое великодушие ко всему человечеству, что забыла о своём мимолётном разочаровании.

Когда пришло время возвращаться, Эми уселась в середину сиденья. — Я тут самая маленькая, — сказала она с едва заметной шепелявинкой. — Хочу сидеть между вами, чтобы не выпасть.

Эллу задела эта нелепая ребячливость, но Делберт рассмеялся.

Лошади были уже не так свежи, как утром, и обратная дорога казалась длиннее. Эми притихла и задремала, пока они мерно катились по дороге.

— Она прямо как младенец, а не взрослая девушка, правда? — сказал он Элле, — и кончиками пальцев коснулся кремовой белизны изгиба под её подбородком. От этого Эми вздохнула и во сне подвинулась так, что голова её склонилась ему на плечо.

Дома Элла легко прыгнула на землю, насколько позволяли её длинные юбки, но Эми, очнувшись от дрёмы и зевая, устроила из этого такое трудное дело, что Делберт бережно помог ей спуститься. Ступив на подножку экипажа, она поскользнулась и упала бы, если бы он её не подхватил. Долгое мгновение она лежала в его объятиях, улыбаясь, прежде чем он поспешно поставил её на приступку.

В начале мая Элла купила ткани для своих платьев — двадцать ярдов прелестного шёлка с рассыпанными по снежной белизне букетиками цветов, и шестнадцать ярдов широкого плотного голубого шёлка, и четыре дюжины деревянных пуговиц, которые предстояло обтянуть той же тканью. Она разложила свёртки на кровати в своей комнате и никак не могла отвести глаз от красоты белого шёлка — маленькие букетики бледно-розовых бутонов роз и незабудок цвета крыла младенца шёлковым рельефом выступали на мерцающем фоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.